

Мария и Воронилова

ТЕБЕ, МОЙ СЫН

Роман-завещание

Мариам Ибрагимова. Собрание сочинений в 15 томах. Том

Мариам Ибрагимова

Тебе, мой сын. Роман-завещание

ТД "Белый город"

УДК 821.161.1-311.6 Ибрагимова
ББК 84(Рос-Лак)7

Ибрагимова М. И.

Тебе, мой сын. Роман-завещание / М. И. Ибрагимова — ТД
"Белый город", — (Мариам Ибрагимова. Собрание сочинений в 15
томах. Том)

ISBN 978-5-906727-11-4

Роман-завещание «Тебе, мой сын» – многоплановое произведение охватывает события десяти веков бурной жизни Кавказа. Мариам рассказывает о великом движении племён и народов Дагестана, Кавказа. На этом историческом фоне Мариам прослеживает судьбу своего рода, собственную судьбу, богатую событиями жизнь, советует, как сберечь честь смолоду...

УДК 821.161.1-311.6 Ибрагимова
ББК 84(Рос-Лак)7

ISBN 978-5-906727-11-4

© Ибрагимова М. И.
© ТД "Белый город"

Содержание

Литература была её высшим предназначением	6
Тебе, мой сын	10
Слово автора	11
Прямые потомки рода	13
Крепость, воздвигнутая рукою Всевышнего	16
Родословная памяти	22
Мир и война	36
Истоки рода	41
Трудные времена	46
Горянки	53
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Мариам Ибрагимова

Тебе, мой сын

© М.И. Ибрагимова, наследники, 2017

© ТД «Белый город», 2017

Литература была её высшим предназначением

Зоя Разумовская, редактор международного отдела литературно-публицистического и художественного альманаха «Голос Кавказа»

«Лишь тот достоин счастья и свободы, кто каждый день идёт за них на бой!» – эти слова Гёте с полным правом можно отнести к имени Мариам Ибрагимовой, чьё творческое наследие стало национальным достоянием народа.

Обладая феноменальным трудолюбием, она день за днём сплетала венок своей славы. Несмотря на то что жизнь дала ей достойную профессию врача, судьба изначально готовила Мариам к писательству.

Литература была её высшим предназначением.

Трудно рассматривать феномен М. Ибрагимовой как чисто дагестанское явление, как бы кому этого ни хотелось. Её талант – это синтез человеческого разума и духа на стыке мировых культур. Как личность крупная, она явление общечеловеческое. Всё её творчество сопряжено с Кавказом. В своих произведениях она провозглашает торжество веры, любви, взаимопонимания, подвига и самопожертвования.

Какая палитра красок необходима, чтобы написать её портрет, отобразить весь драматизм её чувств и переживаний?

Какими цветами увить её мужество, честь, совесть, сострадание, высочайшее напряжение сил? С каким алмазом сравнить несгибаемую твёрдую волю? Лишь Творец наделяет лучших из людей такими высокими качествами, окрашивает их душу радугой невыразимой красоты, сиянием и блеском благородства.

Сквозь каждое слово, написанное Мариам, каждый абзац проступает её прекрасное лицо: женщины, матери, человека восхитительной искренности.

В её облике – незыблемый покой и всеобъемлющая любовь. Этот дар, которым наделил её Аллах, она пронесла в своём сердце, до последней капли отдав его людям, своей земле, семье, своему драгоценному сыну.

Разумом и душой она постигла главную формулу жизни, в которой всё архитипично: «... где человек, как древо, насаждённое при исходящих вод; и плод свой даст во время своё, и лист его не отпадёт», а уж добрые плоды, в свою очередь, сердцевинной, своей «косточкой» прорастут в собственных детях. В этом принцип всемирного совершенства, когда от поколения к поколению передаётся опыт эволюции личности, обеспечивающий непрерывность жизни. Это путь к чистоте духа.

Какие бы коллизии ни происходили в её жизни, какие бы сомнения ни терзали её гордое сердце, в основе её мировоззрения всегда лежала вера в незыблемость нравственных устоев, в победу света над тьмою.

В немислимой дали остались века, куда она обращала свой творческий взор. Ею владело всеохватывающее желание познания жизни, истории человечества.

Кавказ – её отец, Россия – мать и колыбель. Весь мир – её обитель.

Все её взоры были обращены к Кавказу.

Пласты тысячелетий скрывают тайну происхождения его народов. Европейские племена кельтов и галлов кичатся исторической осмысленностью своих корней, обходя вниманием европео-азиатское происхождение кавказских народов, считая их варварами, отказываясь от своего с ними родства. Всё больше глядят они на Северо-Запад, на мифические Гиперборею и Атлантиду, пытаясь там найти свои истоки.

Но кто знает: если копнуть глубже и смыть с них позолоту иллюзий и снобизма, не выглядит ли из европейца всё тот же «варвар», а уж от него потянутся ниточки к великим цивилизациям, стёртым беспощадной рукой времени.

Люди Кавказа – прямые потомки некогда величественных и просвещённых народов, их разбросанные камни, которые каждой своей частицей помнят и осознают своё древнейшее происхождение. Эта идея красной нитью проходит через всё творчество Мариам Ибрагимовой, она вдумчивый и беспристрастный исследователь. В её размышлениях чувствуется не столько точность и совокупность исторических фактов (хотя они, безусловно, присутствуют), сколько внутреннее знание, собственная генетическая память.

Можно сколько угодно ссылаться на исторические справочники и претенциозные исследования учёных. Кавказ, как камень, хранит свои тайны. Но вавилонское разноязычие, диаметрально различие в обрядах и исповеданиях как ничто другое указывают на то, что эта земля, простирающаяся от Причерноморья до Каспия, от волжских курганов до донских пойменных лугов, стала пристанищем народов, уходящих от великих и губительных потрясений, нашедших здесь пищу и кров, ассимилирующихся, но не позабывших своих корней.

В сердце каждого кавказца стучатся отголоски крови гуннов, арабов, кельтов, арийцев, возвращённых на великолепии своих культур.

Она открыто выражала протест против тенденциозных работ северокавказских историков, пытающихся возвысить один народ и умалить достоинства другого, настаивающих на собственной исключительности, справедливо считая, что «герой, мудрец и красавица везде найдут себе приют». У каждого народа есть свои герои, но вопрос сохранения национального достоинства – в постоянном притоке мудрецов и героев, в способности их генерации. Можно и нужно гордиться своим великим прошлым, ещё лучше гордиться своим настоящим.

Таким примером гордости является сама Мариам Ибрагимова, поставившая целью своей жизни восстановление исторической справедливости, что она блестяще осуществила в трилогии «Имам Шамиль».

«Дагестан – это крепость, воздвигнутая рукой самого Аллаха», – пишет Мариам Ибрагимова. Эти её слова – нерушимый бастион любви к своей родине.

Слова М.Ю. Лермонтова – «Под небом места хватит всем» – можно ставить эпиграфом к любому роману Мариам. Она считала народы Кавказа нитями одного каната, тянущего колесницу Истории. Туго сплетённого каната, где ни одна нить не повторяет другую.

Она подчёркивала важность исторического взаимодействия народов, обогащающих своей культурой друг друга.

Диапазон её этнографических изысканий огромен – от Геродота до Страбона, от Ратцеля, Кларптога, Шенгена, Миллера до Ковалевского, Дюмезиля, Фасмера.

Она обладала удивительной памятью – не избирательной, а всеобъемлющей. Как пчёлы в соты собирают мёд, так по крупичкам, до мельчайших деталей, помнила она и собирала каждое слово, каждое предание, связанное с историей народов, её родом, судьбой предков.

Вот почему так интересен и многоцветен её язык, насыщенный меткими замечаниями и мудрыми высказываниями.

Она признавала огромное влияние русской культуры на народы Кавказа. Хотя Дагестан, как оплот мусульманства, был под влиянием арабской философии, языка и письменности, что, несомненно, выдвигало его народы на более высокий уровень развития. Однако такие титаны классической литературы, как Пушкин, Лермонтов, Достоевский, Толстой, Тургенев и Некрасов, оказали решающее воздействие на формирование кавказского просвещения. Через русское слово, через русский язык пришла к горцам письменность.

Мариам обладала высокой культурой речи, широта её интеллекта поражала. Если учесть, что она говорила на пяти языках дагестанских народностей, а своё раннее детство провела в отдалённом горном ауле, где кроме лакского языка и арабского алфавита ничего не знала,

то её способность восприятия русской речи во всей полноте является уникальной. Помимо природного дара, в ней была некая тайна ученичества...

Слепой старец, за которым она ухаживала, будучи ребёнком, становится знаковой фигурой.словно этот мусульманский праведник, возложив руку на головку Мариам, призвал на неё благословение Небес (или самого Аллаха). С той поры для неё в мире не стало загадок. Всё, к чему она прикасалась, становилось её частью. Она впитывала духовные и прикладные знания, в полной мере овладев искусством диалога, словно лощман, прокладывая курс сквозь противоречия к истине. А диалектика, как нам известно, – удел избранных.

Её проза и публицистика ясна и конструктивна, в ней нет претензии на исключительное знание, в ней есть чёткое знание предмета, о котором она пишет, и вдумчивая пытливость ума.

Идеалами в жизни и искусстве для Мариам являлись самоконтроль, уравновешенность, гармония. Только самые близкие люди знали степень её тревог и разочарований. Она стремилась к безупречности.

Эмоции и бурю чувств укрывала покрывалом сдержанной мудрости, под которым нет различия между малым и большим – всё главное!

Это одно из основных качеств творца. Ведь талант – это знак равенства между божественным и человеческим. Ещё Платон причислял писателей и поэтов к высшей иерархии, к высшему сословию, а уж вслед за ними ставил царей, императоров, патрициев и вольных граждан. Так люди во все времена признавали главенство духа над материей.

Высокое призвание требует высокой ответственности. Коль обращён ты лицом к людям и уста твои глаголют, то каждое твоё слово должно быть истинным, иначе быть тебе низвергнутым. Если человек осознает эту ответственность, значит, он – творец.

Всё, что происходило в её жизни, было наполнено здравым смыслом. Как любящая женщина, она всё прощала, но ничего не забывала. Она не была застрахована от ошибок и ошибалась порой, как всякий человек.

Рабиндранат Тагор писал: «Если вы закроете все двери перед ошибками, то истина не сможет войти в них». Она была открыта всему, не изменяясь в главном – жить по правде.

Мариам Ибрагимову можно упрекнуть только в одном – в привязанности к истокам, невозможность оторваться от любви ко всему, что хранит память её сердца.

Но этот упрёк скорее награда за верность!

Она несла в себе характерный образ времени, в котором жила. Изящный стиль, вызывающий ностальгический восторг: внешняя сдержанность, внутренний огонь, холодный выразительный взгляд.

Всё в ней было цельно, органично, достойно и красиво. Такими были великие женщины середины XX века, народные любимицы-актрисы: Ермолова, Тарасова, Быстрицкая, Шенгеля...

Моя мама тоже была такой: в крепдешинном платье, плаще-макинтоше, в шляпке с высокой тульей. Мне она казалась верхом элегантности.

То, что о Мариам Ибрагимовой сейчас пишу я, не случайность, а закономерность. Нас разделяет поколение, но я такая же дочь дагестанского народа, лачка, имеющая в роду русские корни. Моя бабушка из семьи разночинцев, которые в начале века составляли основную массу обедневших, но образованных мелкопоместных дворян. Она воспитала меня в духе любви к русской литературе, оказав тем самым огромное влияние на формирование моей личности. Волею судьбы я всю жизнь прожила вдали от своей этнической родины, вышла замуж за русского флотского офицера, из старинного, славного своими военачальниками рода.

Но я всегда несла в себе неистребимый дух и менталитет кавказской женщины.

Эти страницы – точка встречи, зов крови, дань уважения моей соотечественнице. В них чувство гордости за поколения мужественных, красивых и достойных предков, преклонение перед нашей «Шамбалой» и «Меккой» – малой, прекрасной, сияющей родиной – Казикумухом.

Человек, пишущий об истории, становится связующей нитью времён. Всё его существование, пребывание на этой земле проходит сначала в создании идеи, а затем в её осуществлении. К нему приходит осознание собственной миссии, которую он выполняет вопреки всему. В итоге, уже независимо от человека, он становится сам частичкой истории, воплощаясь в своих произведениях.

Таким воплощением стало издание сыном Мариам Собрания сочинений, которое сразу ставит её в разряд классиков, а следовательно, узаконивает память о ней, обручает с Вечностью.

На Кавказе говорят: «Мужчина за свою жизнь только в трёх случаях может преклонить колено: чтобы напиться воды из родника своей родины, сорвать цветок для любимой и поцеловать руку матери».

Это коленопреклонение перед памятью своей матери даёт право Рустаму Ибрагимову оставаться истинным кавказцем, мужчиной, чей сыновний долг по сохранению собственного наследия выполнен сполна.

Пока нас помнят – мы живём! Блестящая судьба, блестящая биография, равная награда!

Народ, дающий миру не только великих сыновей, но и дочерей, прокладывает себе путь в бессмертие.

Блаженны небеса, рождающие звёзды, благословенны люди, чей талант, мастерство и умение подтверждают великое предназначение человека.

Не творя кумира из Мариам Ибрагимовой, мы вместе с её потомками склоняем головы перед её светлой памятью.

Тебе, мой сын

Роман-завещание

Эта летопись, из тайников памяти извлечённая, языком правды гласящая, ни имён, ни деяний не щадящая – в назидание!

Слово автора

На закате дней, когда человек осознаёт, что часовая стрелка жизни завершает свой круг, его начинают одолевать грустные мысли. При этом пройденный путь видится яснее, чем тот, по которому он с трудом плетётся сегодня.

Перед взором, воскрешённые памятью, бесконечной скорбной чередой движутся образы людей, навсегда унесённые течением времени. Жизнь каждого из них – длинная или оборванная история, достойная либо подражания, либо презрения.

Одни стремились к самосознанию и совершенствованию себя и окружающих. Время относило их к простым смертным, но именно они своим скромным примером учили великим житейским мудростям – честности, справедливости, доброте, долготерпению и, особенно, трудолюбию: ведь на том свете Бог прежде всего смотрит на руки вновь преставленного. И если они не натружены – место грешному в аду.

Другие, возведённые в ранг хозяев жизни, презрев стыд и страх перед судом Всевышнего, пеклись не о благе людей, а о своём благе.

Оценивая прошлое, я вовсе не хочу умалить всё прогрессивное, или, как говорят, «современное», что вывело меня на путь знаний и достойной человека жизни. И всё же порой бываю не в силах избавиться от тоски по порядку – для кого-то примитивному, а для меня такому естественному и потому прекрасному в своей первозданной простоте, заведённому моими предками. Поэтому с уверенностью могу сказать: основа основ жизни была, есть и будет крепкая семья.

Обращение к истории свидетельствует: семьи образовали род, несколько родов – племя, союз племён – народ. Такое восхождение человечества немыслимо без опыта старших и воспитания младших в семье. В этом отношении семью можно назвать первым и лучшим воспитателем ребёнка.

И дело не в «дипломированной образованности» родителей, а в благородстве, искренности, правдивости их мыслей, слов и поступков.

В каждой нормальной семье, в дружном роду помимо традиционной сплочённости существует неписанный «закон крови», проявляющийся в пробуждении великого чувства сохранения потомства, преданности и взаимной любви, готовности прийти на помощь, прикрыть собой другого. Все эти чувства, хотя и в разной степени, проявляются в воспитанном человеке «с корнями» и по отношению к друзьям, и к посторонним людям, принося радость самому и пробуждая чувство благодарности у способного понять и оценить подобный закон.

Велико воспитательное значение даже самой малой, или, как принято говорить, неполной, семьи: одного отца, одинокой матери, если они преданы детям, ребёнку, уделяют их воспитанию время, берегут от влияния улицы, безнадзорных, распущенных сверстников из неблагополучных семей (хотя и у непутёвых родителей бывают умные дети, обречённые на страдания из-за того, что им не удаётся воспитать своих опустившихся предков), нередко бросающих открытый вызов законности и правопорядку.

Придавая хорошей семье, благородному роду вполне конкретное значение в становлении человека, я вовсе не хочу утверждать, что из детей, лишённых в силу несчастного случая родительских забот, не могут вырасти одарённые и порядочные во всех отношениях люди.

Я верю в силу генов, то есть в породу людей. И не зря раньше родители, подбирая для своих потомков невест и женихов, прежде всего интересовались их родословной – не столько в смысле материального достатка, сколько человеческих достоинств. Проверяли до седьмого колена – не было ли юродивых, разбойников, мошенников, злодеев, запятнавших род. Да и в наше время законами предусмотрено расторжение брака в случае выявления у одного из супругов наследственной отягощённости, шизофрении и прочих психических заболеваний.

Когда-то на Руси наряду с религиозными предписаниями существовал светский свод правил поведения – Домострой. Воспитание по нормам Домостроя вносило порядок в семейный быт, дисциплинировало каждого, а это, в свою очередь, воспитывало и прививало уважение к нормам и законам государства. Честными родителями гордятся дети. Прославленными предками похваляются потомки. Всякий уважающий себя человек знает свою родословную.

Слово «род» – значимое слово. Его корень лежит в основе таких ценностных понятий, как «родители», «родня», «родить», «Родина».

Итак, мой первый совет тебе, сын, – множить и крепить семью. Хорошая семья – самая надёжная опора до конца дней. От того, как ты воспитаешь своих детей, будут зависеть твои радости и огорчения. Разумные родители должны вести себя всюду так, чтобы не уронить свой авторитет, не унижить достоинство. Дорожащие честью, совестью отцы и матери обязаны жить так, чтобы детям и внукам не было стыдно за них.

Может, тебе покажутся наивными и смешными в век всякого прогресса мои матри- и патриархальные взгляды на семейную организацию. Но если бы зависело от меня, я бы вернула Домострой с его ответственностью и отчётностью родителей в старости перед своими детьми. Пусть это не нужно другим, но детям и внукам может послужить – если не наставлением, то хотя бы семейной памяткой.

Вот тебе мой семейный отчёт, который я начинаю с родословной.

Прямые потомки рода

Спасибо Господу, что пылинкой высеял меня на эту землю.
Виктор Астафьев

Бабушка моя по материнской линии – Елена Васильевна – происходила из старинного дворянского рода Пуциных. А род Пуциных на Руси был один. У Ивана Ивановича Пуцина, адмирала императрицы Екатерины Великой, было два сына: Иван и Михаил. Иван, кстати, друг Александра Пушкина, был бездетным. У Михаила же семья была многодетная.

Оба брата – декабристы. Только Иван – член Северного (в Петербурге), а Михаил – Южного (на Украине) общества декабристов. Именно Михаил после поражения восстания в начале 1826 года был сослан на Кавказ. Разобраться до конца в генеалогической ветви этого рода мне не удалось потому, что слишком поздно заинтересовалась ею: мама была отягощена старческим склерозом, а последний отпрыск рода – Иван Иванович Пуцин, проживавший на Кубани в станице Уманской, начисто пропил память, из его отрывочных сведений толком ничего понять было нельзя. Помехой в распутывании этого родословного клубка было и то, что в каждом поколении Пуциных встречались наречённые именами Иван, Василий, Леонтий. Даже моя бабушка Елена сочла обязательным именно так назвать трёх своих сыновей, а дочерям дала имена Прасковья, Елизавета, Александра.

О своих родичах Пуциных мама стала вспоминать и рассказывать с затаённой грустью после выхода в свет книги Марии Марич о декабристах «Северное сияние». От мамы стало известно, что происходит она из древнего рода Василия Пуцина. Её дед, а мой прадед Василий Васильевич Пуцин был женат на мещанке Пачинцевой. Прабабушка была глубоко религиозной, смиренной и беспредельно доброй старушкой, в то время как прадед Василий не благоволил церкви и не соблюдал никаких церковных обрядов. Видимо, это было связано с тем, что в своё время декабристов отлучили от церкви и долгое время предавали анафеме.

У прадеда Василия было пятеро сыновей – Иван, Василий, Леонтий, Исай и, кажется, Егор – и две дочери: одну звали Еленой, имя другой я забыла. Жили в Ейске вместе с другими родственниками из Пуциных. Одна даже была замужем за местным миллионером Козловым. Сестра бабушки Елены была старой девой. Мастерница-белощвейка, она обшивала ейских богачей, в том числе и миллионершу Козлову. Готовые швейные изделия относил моя мама, за что получала от богатой родственницы подарки – ношенные вещи бездетной ейской модницы, которые бабушка Лена перешивала моей маме Прасковье и младшим дочерям – Елизавете и Александре.

У женской половины семьи Василия Пуцина житейские дела складывались лучше мужской. Какие ни есть, а всё-таки дворянки, на которых женились богатые купцы и зажиточные казаки. Так, моя бабушка Елена Васильевна была выдана замуж за сына богатых хуторян Гаврей, имевших в Ейске особняк, в котором властвовала казачка Гавричиха. Её родители переселились на Кубань из Запорожья после того, как побывали где-то на Туретчине.

Мой дед Пётр, в отличие от своей суровой матери, был человеком смиренным, трудолюбивым и совсем не употреблял хмельного. Перед тем как обвенчать своего сына с девицей Пуциной, строптивая Гавричиха подкупила священника, попросив, чтобы он, совершая обряд венчания, не объявлял фамилию невесты. И святой отец ограничился, назвав подвенечную рабу Божью девицей Еленой Васильевной.

Хуже складывались дела у сыновей Василия Пуцина. Особого образования дать им родители не смогли. Не возвысились они и в чинах на армейской службе, по-скольку были в ответе за мятежных, восставших против царя отцов. Жениться не по любви, с расчётом, не позволяла дворянская гордость. Обречь на жалкое существование любимую не позволяла совесть.

Не унижались они и перед породнённым миллионером Козловым. В роду Пушиных знали, что бездетный богач частенько утешается ласками любовницы. В субботние вечера, когда Козлов, гордо восседая на мягком сиденье пролётки, направлялся к дому любовницы, оскорблённые за свой род Иван, Василий, Леонтий и Исай выскакивали из засады, хватали за уздцы бешеных рысаков, останавливали пролётку и, молча взирая на миллионера, держали коней до тех пор, пока хозяин не протягивал им подписанный банковский чек.

Ещё мама рассказывала, как её дядька Леонтий, работавший приказчиком у одного известного ейского купца, угодил в каталажку за то, что надавал хозяину пощёчин. А было всё так.

В осеннюю страду, когда купцы – владельцы пароходов и барж – скупали у казаков-хлеборобов зерно, в Ейск стекались толпы рабочих из голодных губерний России. Они нанимались грузчиками на ссыпку зерна. Нанимал их и купец, у которого работал Леонтий. Поздней осенью, когда пришло время расплачиваться с наемными работниками, купец решил обсчитать их. Возник скандал. Рабочие обратились к приказчику как к свидетелю, который присутствовал при устном заключении договора и мог подтвердить его условия. Леонтий, как и подобает истинному рыцарю, подтвердил правду. Возмущённый купец обложил приказчика матом. Тогда Леонтий отхлестал купца по щекам, за что и угодил на шесть месяцев в местную тюрьму. Передачи арестованному дядьке носила старшая дочь Василия Паша, моя мама.

В раннее утро первого дня Пасхи, подходя к тюрьме, она увидела большую, громко суетящуюся толпу. В те времена в церковные праздники люди приходили с подношениями к тюрьмам, приютам, больницам. Девочка подумала, что и эта толпа собралась с божьей милостью для арестантов. Но, увидев людей в жандармской форме вокруг тюремных заборов, поняла, что случилось что-то серьёзное. Как оказалось, в то раннее утро из камеры смертников исчез террорист-революционер.

Лишь через много лет, когда участник Первой мировой войны 1914 года, а затем красноармеец Леонтий, прижатый со своим отрядом к Азовскому лиману, был смертельно ранен и утонул, – только тогда бабушка рассказала, что в то давнее пасхальное утро, когда мама понесла передачу дяде в тюрьму, именно Леонтий спас приговорённого к смерти революционера. Дело в том, что по существующим тогда правилам краткосрочные арестанты использовались внутри тюрьмы как рабочие: мели и поливали двор, убирали в коридорах, в холодное время растапливали печи, потом очищали их от золы. Собранную из всех печей золу ссыпали в огромные деревянные корыта-носилки.

Подобрав ключи от камеры смертника, Леонтий с несколькими краткосрочниками отомкнули двери одиночки, быстро уложили смертника в корыто, прикрыли золой и, заперев камеру, вынесли во двор. Здесь, как обычно, в сопровождении вооружённого охранника вышли за ворота к оврагу, куда сбрасывали мусор и золу. Опрокинув носилки у самого края, они спокойно вернулись в обитель лишённых свободы. Когда поднялась тревога, беглец был уже далеко. Оказывается, его побег был продуман до мелочей. Где-то у перелеска, рядом с оврагом, осуждённого ждали товарищи с одеждой и осёдланными конями.

Перед началом Первой мировой войны мамины родители переехали из Ейска в станицу Челбасскую. К тому времени братья мамы Василий, Иван и Леонтий окончили ремесленное училище и открыли мастерскую краснодеревщиков. Выстроив своими силами добротный дом, обставили его мебелью, изготовленной из редких сортов дерева и отделанной тонко выточенными на специальных станках деревянными украшениями. Гаври стали уважаемыми людьми в станице. Сыновья-умельцы не только изготавливали отличную мебель на заказ, но и мастерили гармошки, на которых сами недурно играли.

Бабушку Елену Васильевну, женщину гордую, с независимым характером, не жаловал в станице только один поп. Надо сказать, что и она не кланялась ему в ноги. Более того, мама

рассказывала, как однажды Елена Васильевна встретила на улице бедную казачку, которая шла со стороны церкви и горько рыдала, неся что-то на руках.

– Ксюша, ты что это? – заволновалась Елена Васильевна.

Запинаясь, сквозь слёзы и рыдания женщина сказала, глядя на ношу:

– Дитяtko родное после хвори отошло, а батюшка отказался отпеть. И всё из-за того, что заплатить ему нечем, муженька недавно схоронила.

– Дай сюда! – воскликнула Елена Васильевна и, схватив ребёнка, быстро зашагала в сторону церкви. Подойдя к двери, обитой медью, толкнув ногой, отворила её и, глянув на попа, стоявшего у иконостаса, гневно запричитала:

– Мироед бесстыжий! Да как же ты посмел? Как можно при кресте отказать в таком горе? Попробуй не отпеть! – Положив мёртвого младенца на алтарь, быстро вышла из церкви.

Посланный вдогонку дьячок умолял Елену Васильевну вернуться, но она не послушалась. Отпетого ребёнка забрала бедная мать и схоронила.

Мамин родственник, один из потомков рода Пуциных, старый Иван Иванович, где-то до 1960 года проживал на Кубани в станице Уманской. Там же доживала свой век мамина сестра тётя Лиза. Иван Иванович после войны хотел жениться на ней, но тётя Лиза отказала, потому что Иван Иванович пил.

Этот прямой потомок рода Пуциных написал мне о своих и наших родственниках.

Один из Пуциных – Павел – жил после войны под Москвой, у пасынка Николая Ивановича Пуцина, то ли отставного полковника, то ли генерала.

Еде-то в России обосновался Егор Иванович Пуцин, и был большим человеком, но подробностей о нём Иван Иванович не знал. В Англию в период революции уехала одна из девиц Пуциных. В 1917 году дядя Ваня был в Моздоке у другого представителя рода Пуциных, который служил в Добровольческой армии Деникина и там осел, сменив фамилию.

В 1937 году Иван Иванович, будучи репрессированным, встретил на лесоповале ещё двух потомков Пуциных – Дмитрия Павловича и Виктора Исаевича. Все они родились в Ейске, и по ним прошёлся каток сталинских репрессий.

На Кубани, где-то в арсеналах, служил инженер-лейтенантом Дмитрий Пуцин, имел пятерых сыновей. Старший из них нёс службу в одном полку с отцом, младший окончил Суворовское училище и тоже стал офицером. Где и кем были остальные, Иван Иванович уже не помнил. Жил многодетный Дмитрий в нужде. Позднее его перевели в Новочеркасск, там он построил дом, завёл подсобное хозяйство и выбился из нужды.

У брата Прасковьи – Василия – было трое сыновей: Павел, Вячеслав, Борис и дочь Ольга. Павел занимал высокую должность – заместитель председателя Краснодарского крайисполкома. Вячеслав в боях за Сталинград совершил подвиг, был тяжело ранен, потерял ногу, ему присвоено высокое звание Героя Советского Союза. Это он стал прототипом героя романа Аркадия Первенцева «Честь смолоду». Борис – кадровый офицер, служил в Советской армии.

Крепость, воздвигнутая рукою Всевышнего

Кавказ... Овеянный легендами и мифами возвышается он, воздвигнутый могучей рукою природы, на рубеже двух миров. Его заснеженные хребты, причудливые скалы кажутся волнами взбешённой стихии, окаменевшей в минуты неистового буйства. Благодатный край, полный тайнства и загадок, он во все времена влёт далёких предков в поисках убежищ от суровых сил природы и беспощадных врагов. По его предгорным степям, речным долинам и горам двигались, частично оседавая и смешиваясь, иранские, тюркские, монгольские, древнеславянские племена и племенные союзы.

Многие из них канули в вечность, но благодарная память сохранила их следы в названиях морей, рек, гор, селений, в которых они – каспии, киммерийцы, сарматы, скифы, гунны, авары, болгары, осы, куманы, хазары и другие! О них скупое повествуют летописцы-путешественники когда-то могучих, а затем ослабевших и рухнувших империй, а также склонные к фантастическому воображению языческие жрецы, библейские фантасты и исламские плагиаторы.

Библейские сказания гласят о том, что в 700 году до нашей эры скифы с гор Кавказа, побережий Каспийского и Чёрного морей хлынули, сметая всё с пути, на Мидию (Азербайджан), Иран, Ассирию. Минувя Иерусалим, прошли через Ханаан и остановились у берегов Нила. Могущественная Ассирия пала и уже не смогла вернуть своего бывшего величия, даже несмотря на последовавшее через пять лет возвращение скифов на Кавказ. Почти тысячу лет аланы подчиняли себе племена, населяющие Центральный Кавказ, диктуя свою волю владыкам средневековых государств, расположенных на территории современных Грузии, Армении и Азербайджана.

Северные соседи – тюркоязычные хазары со временем вытеснили аланов и смешанных с ними тюркоязычных купи-болгар. От названия последних – купи (куфус) произошло название Куби (Кубань).

Но под натиском арабов пала и сама Хазария. Одна часть аланов, хазар и половцев (кипчаков) укрылась в горах, другая откочевала на территории современных Венгрии и Болгарии. От смешения осевших в горах Северного Кавказа болгар и кипчаков произошли современные карачаи и балкарцы.

Имя Кавказу дали древние персы: «каф» – горы, «аз» – народ горы Азов. «Азы» – осы, язык которых относится к иранской группе, – селились на побережье Азовского моря. Их потомки – осетины северные и южные – позднее поселились в горах Кавказа.

Древние скандинавские саги хранят неясные предания о своём происхождении от азов.

Греки эпопею Троянской войны тоже связывали с «Санс-аз» – горами азов.

А в скале, к которой приковали легендарного Прометея, похитившего с неба огонь, многие склонны видеть вершину Эльбруса. Название этому двуглавному царю Северного Кавказа тоже дали греки.

Альбус – белый (ср. Альпус – Альпы). Вторая часть слова – «рус», быть может, связана с обитавшими в этих краях русами. Отколовшись от племени древних полян, селившихся на побережье реки Рось, на земле Киевской, на Кавказе они смешались с аланами и превратились в росо-аланов.

Согласно библейским мифам, Эльбрус, будучи задет ковчегом Ноя, раскололся на две части, а другая гора – Казбек – с распространением христианства получила название Христовой горы, так как на её вершине был установлен шатёр библейского Авраама с яслями младенца – будущего Христа Спасителя. Фанатичные отшельники Грузии и юга Осетии устремлялись к вершине горы, скользя по крутому обледенелому скату, который называли «вифлеемским».

Геродот считал, что Христова гора с юга примыкает к Малой Азии и что с вершины этой горы библейский Ной начал расселение людского рода. Некоторые еврейские богословы утвер-

ждают, что их соплеменники населяли Кавказ задолго до пленения Навуходоносором. Свой народ евреи считают потомками трёх сыновей Ноя, сошедших с вершины горы и поселившихся в странах Азии, Африки и Европы.

Не счесть народов и племён, селившихся когда-то на берегах морей и рек, в живописных ущельях, пологих склонах гор, на уступах причудливых скал.

Дагестан – восточная часть Кавказа, граничащая с юго-восточной стороны с Грузией, Азербайджаном, Арменией. О древнем Дагестане имеются отрывочные сведения у греческих, римских, армянских, арабских, грузинских учёных. Геродот называл Дагестан музеем народов и горой языков. Часть Дагестана когда-то входила в состав государства мидян, затем Кавказской Албании, Алании и Хазарии. В Дагестане, как ни в каком другом месте мира, можно найти осколки сотен исчезнувших племён и народов, языков и наречий.

Говоря об этническом многообразии этой страны, можно сослаться на древнегреческого географа и много путешествовавшего историка Страбона. Он писал, что юго-восточная часть Дагестана населена 26 различными народностями, говорящими на разных языках, и что управляется каждая из этих народностей своим царём.

На существование в Дагестане множества государств с правителями, живущими в укрепленных городищах – Дербент, Чога, Семендер, Варачан, Чирюрт, Эндери, – указывал армянский историк Моисей Хоренский.

Арабский историк Ибн аль-Факих аль-Хамадан, живший в IX веке, писал, что в горах Кабх (Дагестан) насчитывается 72 племени, говорящих на разных языках, которые, живя на незначительном расстоянии друг от друга, не могут объясниться без помощи переводчика.

Этническую пестроту Дагестана некоторые учёные объясняют географическим положением страны. И на самом деле, через этот регион проходят главные дороги, соединяющие Северный Кавказ, приволжские и придонские просторы с богатыми странами Закавказья, Среднего и Ближнего Востока.

Главный прикаспийский путь, проложенный могучей рукой самой природы, и теперь проходит по узкой равнинной полосе, зажатой между водами Каспия и господствующими над проходом горами. Козьи тропы, недоступные колёсным перевозным средствам, пролегали вдоль русел горных рек, с подъёмами на горы, спусками с них и крутыми перевалами.

В юго-восточных приморских предгорьях Дагестана со времён ванского царства Урарту (IX–VI века до нашей эры) селились армяне. Государство Урарту ослабело в непрерывных войнах с Ассирией, киммерийцами и скифами. И тогда усилившиеся мидяне, проживавшие в пределах современного Азербайджана, разрушили государство Урарту.

Сказания, передаваемые из поколения в поколение, сохранили в памяти потомков сведения о том, что на юге Прикаспийской низины Дагестана существовал Шамшахар (город огня), в котором жили армяне. Но явились враги, разрушили город и храмы огня. Оставшиеся в живых жители бежали. Как известно, армяне, как и персы, до принятия христианства были зороастрийцами. Дагестан и великий Прикаспийский путь были известны вавилонянам и древним грекам за полтора столетия до выезда Моисеем евреев из египетского плена.

По этому великому пути ещё в VII веке до Рождества Христова скифы неоднократно прорывались в пределы Древнего Ирана. Когда на мировую арену выступил усилившийся Иран и, диктуя свою волю приграничным державам, утвердился на прикаспийских землях Дагестана, приволжские, придонские, прикубанские, прикумские кочевники в поисках пастбищ и с целью грабежей продолжали врываться во владение персов через «великий проход».

И тогда где-то в III веке нашей эры персидский царь Ковад, а после него его сын Хосров Ануширван, стали возводить в самом узком месте циклопические стены – от моря до господствующих горных хребтов. Сюда же, в просторное межстенное ограждение, были переселены из Ирана персы и таты, которые основали город Дербент.

Перед странниками, купцами, мирными беженцами укрепленные ворота Дербента распахивали ежедневно по утрам. Но для разбойных орд они были закрыты, а гарнизон дербентских лучников и копьёметателей умело отражал с высоких башен и нешироких пробойных стен натиски грозных кочевников. Их натиски в те времена следовали один за другим, ибо началось Великое переселение народов. И было оно поднято народами Великого тюркского каганата, вытесненными с гор Северного Китая, Алтая и монгольских степей.

Хуины (гунны) – эта могучая орда, сметая всё на своём пути, рассыпалась по прибрежным просторам Волги.

Дона, Кубани, Кумы, Терека. Прорывалась она и в Грузию по горным дорогам Дагестана. Но главные свои силы гуннский вождь Агтила довёл до нынешней Венгрии, где они и растворились среди аборигенов.

Племена Великого тюркского каганата рассыпались по многим странам Европы и Азии, сохранив свой язык. Это из тюркютов произошли болгары, половцы (кипчаки), куманы, хазары, ногайцы, чувашаи, узбеки, казахи, киргизы, уйгуры, туркмены, татары казанские и крымские, турки-сельджуки и турки-османы.

В течение столетий «волны» Великого тюркского каганата растекались по берегам Амударьи, Сырдарьи, Волги, Дона, Днепра, Кубани, Кумы, по приморским степям Арала, Каспия, Азовского и Чёрного морей.

Когда-то на Дону, берегах Волги и в предгорьях Кавказа процветало Булгарское царство. Хан Крум разделил свои владения между тремя сыновьями, и распалось царство на три колена. И повели сыновья царя своих соплеменников кто по берегу Дона, кто по Волге, кто на север. А сам хан Крум вывел орды к берегам Дуная, где кочевники растворились среди славян, перенявших их язык и веру.

От волжского колена произошли казанские татары, от двинувшихся на север – чувашаи и другие народы. Часть болгар осела на Северном Кавказе. Некоторые этнографы считают современных балкарцев потомками крымских болгар. В этом отношении большой интерес представляет одно племя или родовой союз балкарцев, оказавшихся в горах Дагестана. Эта маленькая этническая ячейка поселилась в отдельном ауле на границе лакских и даргинских (акушинских) земель. Отколовшееся от орды, это небольшое общество, по сохранившимся преданиям, когда-то имело свой язык, свои нравы, обычаи, одежду. Славился аул мастеровыми гончарных изделий. Эти балкарцы со временем забыли свой язык и, освоив лакский, стали приписываться к лакским племенам.

Когда Великий Прикаспийский проход был перегорожен стеной и назван Дери-Бенд, что означает «закрытые ворота», миграции многочисленных этнических групп на Северный Кавказ и Закавказье происходили по Дарьяльскому проходу, реже – через Мамисонский перевал. Римские легионеры называли Дарьяльский проход «Порте кумане» – воротами куманов. Плиний и Страбон описывали войны, возникавшие из-за Дарьяльского прохода между грузинскими царями, осами и куманами (половцами).

Помимо этих горных проходов, ведущих из Северного Кавказа в Грузию (через Осетию), в горах Дагестана было ещё две дороги. Одна проходила по прикаспийским предгорьям, владениям казикумухских ханов, землям аштикулинцев и лезгин и через высокогорные перевалы до Алазанской долины. Вторая проходила по землям аварцев, вдоль русла реки Койсу к Тляроте и, перевалив Анцухо-Капучинское нагорье, вела в Кахетию. Нет сомнений, что этими путями пользовались и мирные странники – купцы, беженцы, воеводы, часть которых оседала в горах Дагестана.

Горными дорогами пользовались столетиями не только кочевые орды распавшегося Великого тюркского каганата, но и попеременно усиливающиеся персы и турки. Известно, что когда-то Волга и Дон, моря Азовское, Каспийское и Чёрное были внутренними реками и морями Турецкого султаната. Хаживали по горным дорогам Дагестана и греки, и русичи,

и римляне, и арабы. Скакали по ним и косматые кони чингисидов, и ахалтекинские скакуны туменов (сотен) Тамерлана. Оседая у этих дорог, в горах и низинах, все эти разноплеменные пришельцы, утратив связь с соплеменниками, вливались в местное население.

И, право же, смешно слышать утверждения некоторых современных дагестанских верхоглядов, пытающихся доказать, что предки их были аборигенами края чуть ли не со времён далекого предка-неандертальца, поселившегося в ауле со дня зарождения человечества. Конечно, первобытный человек жил и в горах Дагестана, но создавать на этом основании теорию национальной обособленности нелепо.

Почему, скажем, следует отрицать отношение обров (аваров) к аварцам Дагестана или куманов к кумыкам? Ведь куманы – те же половцы, перекочевавшие на берега Кумы и здесь взявшие новое этническое самоназвание. И те и другие относятся по языку и прочим признакам к тюркскому племени. Разве они с берегов недалеко расположенной Кумы не могли переселиться на земли Эндери (Андрей-аула), Чирюрта, Аксая? И каким образом половецкий Аксай мог оказаться под Ростовом? И почему вождь племени Кумук не мог выйти из куманов?

Людей, живущих на побережье Волги, называют волжанами. Кумыков в Дагестане называли арияклы, то есть из далёкого края, – какого? И как можно не считаться с топонимикой, свидетельствующей и раскрывающей многое из прошлого? Скажем, например, почему некоторые современные дагестанские учёные отрицают этническую связь и влияние хуннов (гуннов) на этнический состав Дагестана? Почему на землях Осетии и Чечни существуют такие топонимы, как Аргун, в Дагестане – Хунзах, Гунниб, Гунбет (Гумбет), а в Лакском районе – Гунмунк (Гумук-Кумух), Гунчукатль и так далее? Чем объяснить, что аварские Кудияб-Оры, большие реки, имеют вторые названия: Аварское Койсу, Кара-Койсу. Ведь «Кой-су» означает по-тюркски «колодезная вода», «кара» – «чёрная». И, наконец, если Дагестан, особенно его высокогорная часть, не был убежищем отколовшихся от каких-то племён семей, родовых союзов или групп переселенцев, изгнанников и просто беженцев, то чем объяснить его уникальную этническую пестроту и многоязычие?

Факт многовековой, непрерывной миграции народов по великим путям и проходам Дагестана неопровержим, как и переход кочевников к оседлости.

Грузинский академик И.А. Джавахишвили утверждает, что восточные провинции Грузии когда-то были населены чеченцами и дагестанцами. В Кахетии ещё в наше время были аварские селения (Хажалхушт).

Немало аварских поселений в Закаталах Азербайджана, где аварцы, овладев азербайджанским языком, по всем признакам быта стали похожи на азербайджанцев. А сколько осколков грузинских племён, пленённых при набегах аварских и казикумухских ханов, приняло ислам и осело в горах Дагестана? Ещё недавно, во времена господства в Аварии нуцал-ханов, тысячи угнанных с родины грузин оказались в рабстве у аварской знати. Даже в начале XIX века на землях нуцалов около Хунзаха было более десяти селений, жители которых состояли из чистокровных грузин.

Аварское население высокогорных аулов – Цунта и Цумада, Нижние Хвараши, граничащих с Грузией, были в самых близких дружеских отношениях с соседями. У них были земли общего пользования – пастбища для скота, рынки, на которых шла меновая торговля. Грузины и аварцы приходили на помощь друг другу, если случались беды и нападали враги. Аварцы этих селений женились на грузинках и выдавали замуж за грузин своих дочерей, ибо религиозные и национальные чувства у тех и других не отличались устойчивостью.

Существует версия о грузинском происхождении дидойцев, проживающих в Цумадинском районе Аварии.

Что касается религиозных культов, то на Кавказе опять же, как нигде в мире, можно было отыскать все существовавшие в мире религии, начиная от идолопоклонничества, поклонения силам природы, небесным светилам, огню и кончая единым Богом.

Языческие обряды долго сохранялись у горцев Кавказа, и особенно у дагестанцев, вплоть до наших дней. В регионах, граничащих с Азербайджаном, Арменией, в захолустных уголках можно было найти развалины храмов огня, встретить символы огнепоклонничества. Среди высокогорных разрушенных селений Аварии, граничащей с Грузией, и в наши дни находят остатки христианских храмов и надгробий с высеченными на них крестами.

В северо-западных районах, граничащих с равнинной частью, в предгорных и горных аулах, когда-то подвластных Хазарскому каганату, можно было отыскать следы другой религии – иудаизма.

Во второй половине VI века усилившиеся арабы после покорения многих сопредельных стран двинулись в сторону Дагестана. Полководец Салман ибн-Раббия во главе четырёхтысячного отряда подошёл к Дербенту, взял его в осаду и через некоторое время, прорвав оборону, ворвался в город.

На помощь дербентцам из своей столицы Семендер, которая находилась рядом с Дербентом – около Тарков, поспешил хазарский каган (царь). Хазары одолели арабов. Арабы бились до последнего. Сорок человек из последних воинов ислама во главе с Салманом были убиты. Их могилы – кырклар – сорока праведников, с надгробиями до сих пор сохранились на древнем кладбище Дербента.

В начале VIII века халиф Гашим посылает на Дагестан сорокатысячный отряд во главе с полководцем Саидом ибн Амиром и своим братом шейхом Абу-Муслимом. Гарнизон Дербента, в котором утвердились после Салмана хазары, состоял из трёх тысяч человек. Храбро сопротивлялись дербентцы и, быть может, выстояли бы, несмотря на значительное численное превосходство противника. Но судьбу города и Дагестана в целом решил перебежчик. За крупную мзду он показал арабам подземный ход, который вёл из господствующей над городом крепости Нарын-Кала в горы. В течение ночи арабы по потайному ходу вторглись в крепость, перебили стражу и овладели дворцом. С восходом зари они распахнули железные ворота Нарын-Калы и лавиной двинулись с горы на магалы Дербента, расположенные ниже. Защитники города хазары вынуждены были спастись бегством. Владелец Гунмункского (Лакского) царства, узнав о победе арабов и бесчисленности их войск, отправил к Саиду ибн Амиру и шейху Абу-Муслиму посольство с дарами и заверением на согласие принять ислам.

Арабское воинство поспешило к столице лакского правителя и было принято с почестями. К названию столицы – Гунмунк (страна гуннов) арабы сделали приставку «гази» (поборники веры), и стало с тех пор городище называться Газикумух.

В летописи Мухаммеда Рафи, составленной в XIV веке, говорится, что до прихода в Страну гор арабов обитателями этих земель были идолопоклонники с дикими нравами. Арабский историк М. Абави пишет, что управлялась страна лакцев шамхалом, от слов «шах» и «магалы», что по-персидски означает – царь района, области.

Саид ибн Амир оставался в Казикумухе до тех пор, пока всех жителей не обратил в ислам и не построил в городище Джума-мечеть (соборный храм). А шейх Абу-Муслим с частью воинов по Чохской дороге двинулся в Аварию, насаждая мусульманство в селениях, встречающихся на пути.

Абу-Муслим покорил часть Аварии и назначил её правителем Амир-Ахмада. До арабов Аварией правил нуцал Суракат. Сын Сураката бежал в Тушетию (Грузию), где собрал большое войско и осадил бывшую столицу аварцев – Хунзах. В сражении с аварцами и тушетами пал Амир-Ахмад. Но в конце концов воинственные аварцы были покорены арабами и приняли ислам.

В то же время нижняя, приравнинная часть Аварии наряду с идолопоклонничеством исповедовала иудаизм, насаждённый в части Дагестана хазарами. Например, аварцы аула Араканы считались иудеями. Согласно другому арабскому историку Масуди народы Верхней Аварии – ревностные христиане. Продолжая повествования об аварцах, Масуди отмечал, что при

завоевании Персии арабами царь Иездегард спешно отправил казну вместе с золотым тронном в Аварию, а затем следом поспешил сам. В дороге царь был убит. Посланник персидского царя в сопровождении войска прибыл в Хунзах, где сделался властителем трона и шахской казны, назвав себя Сахиб аль-Серир.

Титул аварских правителей «нуцал» некоторые историки считали производным еврейского слова «носе» (глава, главный). Сами же аварцы считают, что это слово произошло от аварского слова «нуего», что означает «сотенный».

Некоторые родовые династии Казикумуха, ушедшие корнями в минувшие века, старались приписывать себе благородное происхождение от бывших правителей. Так, например, известный в Казикумухе род Сеид-Гусейновых считали берущим начало от Саид ибн Амира – брата арабского халифа Гашима – потомка Корейшидов, из которого происходил пророк Мухаммед. Современные историки пытаются отрицать этот факт. Хотя вероятность трудно исключить, если учесть, что Саид ибн Амир некоторое время правил Казикумухом.

Как видишь, сын, всё вышесказанное даёт основание считать, что Дагестан – не просто хранилище исторических, археологических и этнографических сокровищ, но и живой институт языков и наречий. Изучать Кавказ, и в особенности Дагестан, – значит изучать историю и этнографию почти всего человечества. И те, кто занимался этим благородным трудом десятилетиями, пришли к выводу, что не исчерпать бесценных шедевров, которыми полнится каждый уголок этого удивительного края.

Родословная памяти

Мой отец Ибрагим Давыдов – уроженец аула Хуты бывшего Лакского округа Дагестана.

Аул этот, в отличие от других дагестанских селений, по-видимому, был не так уж стар, потому что расположен в котловине вокруг небольшого озерца и источника ключевой воды. Через центр аула пролегла дорога, ведущая из Кумуха (столицы) в Аварию. Сказала «не так уж стар» потому, что старые поселения в горах строились на крутых горных склонах, скалах как крепости, чтобы подступов к ним ни с какой стороны не было, а если и был, чтобы его в случае надвигающейся опасности можно было заложить и отбиваться от тех, кто явится с оружием.

По рассказам стариков, которых я в юности застала в живых, аул этот вырос из хуторка. Первопоселенцем его был грузин, скорее всего хевсурец (хуту), то ли пленный, то ли беженец-кровник, который поселился здесь по воле хана и занялся возделыванием земли.

Лакский учёный-философ Курди Закуев говорил мне, что прадед моего отца – Кинча происходил из его рода, как и члены другого отделившегося некогда рода Таркнаевых. Кинчаевы, Читаевы и несколько других семейств переселились из Казикумуха в Хуты позднее. Этот «медвежий угол» до революционных событий, охвативших весь Дагестан, особых волнений не испытывал. Казикумухские владыки вплоть до Сурхайхана и последнего из них – Аглархана – жесточайшего правителя, дослужившегося в русской армии до звания генерала во время Кавказской войны, поддерживали мирные отношения с вольными обществами Аварии – Чоха, Согратля, Мееба. В мирные времена с аварцами этих поселений лакцы водили куначество – женились на аварках, выдавали своих дочерей за достойных аварцев, а в случае нашествия врагов объединялись для общей борьбы.

От Казикумуха – древнего городища владетельных шамхалов – селение Хуты было расположено, как и прочие подвластные аулы, на небольшом расстоянии. Но в отличие от других, которые были на виду у кумухцев, Хуты был укрыт высочайшим и крутым каменистым перевалом, расположенным в двуречье. Подниматься и спускаться с него можно было только по узкой, петляющей по отвесному склону дороге. По этому кратчайшему пути к Кумуху каждый четверг, а то и в будни спешили чохинцы с плетёными корзинами, навьюченными на ишаков, ехали верховые на лошадях, шли пешие на базар. Помнила эта дорога и тех, кто в поисках заработка отправлялся на чужбину. Возделываемых земель в этом обойдённом Богом горном ауле почти не было, как не было ни лесов, ни цветущих долин. Неизвестно, в какие времена волею злых судеб были заброшены в эти бесплодные горы наши прадеды.

Каменистая почва, лысые склоны гор с низкорослыми травами, меж которых выступали разной величины осколки камней и валунов, покрытых лишайником, поражали первозданностью, навевавшей грусть и тоску. Лишь где-то в долинах, на пологих скатах, у лощин чернели весной и осенью лоскуты возделываемых земель и покосных трав. Разведение мелкого скота тоже не могло обеспечить жизнь хутынцев, не хватало пастбищ, а перегон к чёрным землям был долгов и дорог.

Голодная жизнь и вековая нужда заставили хутынцев, как, впрочем, и других жителей лакских аулов, обучаться ремеслу и заниматься отхожим промыслом. Характерным было то, что жители отдельных аулов специализировались в освоении одного какого-нибудь ремесла и своё мастерство и знание передавали из поколения в поколение. Так, односельчане моего отца славились мастерами-медниками и лудильщиками, баркальцы – гончарами, жители аула Шовкра – сапожниками и шорниками, куминцы – поварами-кондитерами. Жители Убра – строители-каменщики, они же тесали и надмогильные плиты (памятники), ваччинцы занимались торговлей, кулинцы – овцеводством. Цовкринцы-пехлеваны – от мала до велика акробаты-канатоходцы.

Существовал в Лакском районе и аул нищенствующих – Турчи. Причём жители этого селения вовсе не были нищими. Большинство из них имели добротные дома и жили сносно, в основном за счёт бродяжничества и подаваемой милостыни. Этим занимались мужчины. С наступлением осени глава семейства с сыновьями-подростками накидывали на плечи кожухи, вывернутые наизнанку, забрасывали за спину торбы или хурджины, брали в руки посохи и отправлялись по миру. Шутники-острословы уверяли, что уважающий себя турчинец не выдаст дочь замуж за молодца, который не стёр до ручки семь посохов, собирая подаяние на чужбине.

Урожая, собранного с клочков плодородной земли, едва хватало на зиму. Не было топлива. К зиме люди перебирались в нижние этажи саклей, ближе к сеновалу, погребу, где согревались у очагов, отапливаемых кизяком. Спасались от холода в широких долгополых овчинных шубах, косматых папахах, войлочных ноговицах¹, женщины – в шерстяных шалях, накинутых поверх платков, вязаных шерстяных журапках², длинных шароварах с короткими будничными платьями. С наступлением осени, после уборки урожая, мужчины покидали родные очаги, обеспечив семьи толокном, которое можно было употреблять в пищу, увлажнив сырой водой.

Уходили на зиму, избавив жён, стариков и малых детей от лишних ртов, с тем, чтобы вернуться весной с деньгами и зерном для сева. Но были среди ремесленников и такие, кто бесследно исчезал на многие годы в поисках большого заработка на шумных базарах Стамбула, Аддис-Абебы, Тегерана, Киева, Одессы, Петербурга. Возвращались с деньгами и богатыми подарками для всей родни, не скупясь и на милостыни бедным односельчанам. Помимо заработанного добра привозили и новые знания – всё лучшее из обычаев и нравов иноземных народов, старались внедрить это лучшее в жизнь и быт своих близких. Не зря ведь у дагестанцев бытует поговорка: «Изучи то место, где переночевал».

И потому среди горских народов испокон веку лакцы отличались знаниями, учёностью, мастерством, трудолюбием, веротерпимостью и интернационализмом.

Казикумух – древнее городище, существовавшее в горах Дагестана с доисторических времён. Нет сомнения в том, что его название произошло от слова «гунмунк» – «страна гуннов». Возможно его существование задолго до нашествия гуннов и основания города Дербента.

Расположен Казикумух в юго-восточной части Дагестана. Плоские крыши его саклей, словно хаотически сложенные ступени, поднимаются от равнинной подошвы горы до хребта, круто обрывающегося над глубоким ущельем.

Нижняя часть городища примыкает к широкому царскому тракту, тянущемуся от прикаспийских низин и предгорий через владения князей Тарковских. Дальше эта колёсная дорога идёт через земли даргинских вольных обществ – Леваша и Цудахара. Не доходя до последнего селения, дорога спускается в глубокое ущелье бурлящего Казикумухского Кой-Су и вдоль берега постепенно поднимается к Казикумухскому плато. Затем мимо Кумуха, Кая (Найми), Ваччи, Кули, Хосреха и через высокогорные дороги и перевалы Кюринского округа спускалась в Алазанскую долину, где земли Азербайджана граничили с Грузией.

После утверждения магометанства Казикумух оставался надёжным убежищем не только теснимых разноплемённых народов Северного Кавказа, самого Дагестана, но и для закавказской Грузии и Армении. Во времена попеременных грабительских устремлений султанской Турции и шахской Персии в XVII, XVIII, XIX веках, в частности, при вторжении в Армению жесточайшего шаха Аббаса, а также Надиршаха, армяне, в основном имущие, погрузив на мулов и лошадей свои драгоценности, бежали в Казикумух. После подношений щедрых

---

¹ Ноговица (мн. – ноговицы) – зимняя обувь на Кавказе или часть обуви: гамаши, калоши, штилеты, подголенища, застёгиваемого вокруг голени и, нередко, колена.

² Журапки – пёстрые шерстяные носки.

даров казикумухскому хану последний брал их под своё покровительство, выделял земельные участки для возведения домов, а с принятием этими беглыми армянами мусульманства наделял их званием почётных граждан Казикумуха. Так, из осевших в городище армянских беженцев произошли династии казикумухской знати – Саркиевы, Егизаровы и прочие. Немало армянских и грузинских беженцев обосновалось в пограничных аварских селениях, как, например, в Чохе династия Шахназаровых.

Среди тех, кто некая в высокогорном Дагестане спасения, были не только семьи, а целые сёла, состоящие, например, из грузин. В этом отношении примечателен Хунзах – столица Аварского ханства. Лично у меня не вызывает сомнений, что само название Хунзах носит этнический оттенок: «хун» – то же, что и «гунн», а вторая часть названия «зах» означает «крепость» – «крепость гуннов». И на самом деле это древнее небольшое городище по своему географическому положению и стратегическому значению представляло собой труднодоступную крепость, возвышающуюся на господствующей высоте, доступ к которой был по единственной крутой тропе. Здесь не были развиты ремёсла, торговля, как в Казикумухе. Не отличался Хунзах и этнической пестротой населения. Город был консервативен и жил за счёт податей подвластных народов вольных обществ. Между свободолюбивыми узденями вольных обществ и ханом существовала постоянная вражда.

Разорённое бесконечными междоусобицами хозяйство вольных обществ, вплоть до разрушения целых аулов с истреблением населения, заставило нуцалов искать выход из трудного экономического положения. Им стали набеги на сопредельные богатые регионы Грузии. Из грузинских поселений, граничащих с Аварией, хунзахцы угоняли табуны лошадей, гурты крупного рогатого скота, отары овец и людей. Сотни захваченных пленников нуцалы отправляли на невольничьи рынки, большую часть насильственно поселяли на окрестных землях и заставляли работать на себя. Так около Хунзаха появилось более десяти аулов, жители которых состояли из грузин, со временем принявших ислам и теперь относимых к этнической группе аварцев.

Историко-этнографические данные, касающиеся Дагестана и, в частности, территории лакцев, нельзя рассматривать в отрыве от истории и этнографии древнейших сопредельных государств Закавказья – Грузии, Армении, Азербайджана, которые, вне всякого сомнения, с давних времён оказывали влияние на этнический состав пограничных районов. Как известно, миллионы лет тому назад на обширных приморских просторах Аральского, Чёрного, Каспийского, Азовского морей бушевал Мировой океан. Быть может, это и было время Всемирного потопа. Постепенно начала спадать вода, уступая место суше. И поднялся со дна разделившихся Чёрного и Каспийского морей сначала Главный Кавказский хребет, а затем рождённые в огненном царстве вулканов цепи остальных гор.

Вместе с поднятием горных массивов происходило их обледенение. Ледники спускались до самых предгорий. Здесь они таяли. Талые воды, пролагая пути, сливались в мелкие речушки, речушки – в большие реки, устремлённые к котловинам, где до сих пор синеют бескрайние просторы разделённых морей. Обмелевшие русла рек Алазани, Арагвы, Куры, Терека, Кубани, Кумы когда-то занимали всю ширь долин, буйствуя в теснинах, пригодные для судоходства. Со временем на склонах гор, сбросивших ледяные панцири, поднялись леса, а на облаканных солнцем степных просторах заколосились хлеба, поднялись травы с человеческий рост, засеянные шумными морскими ветрами.

Откуда и когда явился человек к щедрым предгорьям закавказских и кавказских гор, ведает один Бог. Но он явился – чтобы здесь выжить!

Наделённый великим даром природы, мышлением и способностью выражать свои чувства и мысли в речах, он искал в этих краях не только пищу, но и свободу, покоряясь только неумолимым и непобедимым силам природы.

Стремление людей к свободе, как и у всего живого, – явление врождённое. Когда люди из бесклассового общества перешли к классовому, на смену старейшинам и вождям заступили привилегированные, имущие властители – князья, цари, затем – владыки царств и империй. Мелкие стычки и набег, порождаемые нуждой, жадностью и завистью, сменились нескончаемыми войнами, которые приводили к крушениям царств и великих империй, на развалинах которых поднимались новые державы, чтобы вновь сгинуть во времени, рассеяв по миру целые народы, смешав их с другими и возродив к жизни новые – со своими названиями и вероисповеданиями. И это происходило всюду на Земле, – но только где-то бурно, как в плотно населённой Европе, а где-то вяло, как, например, на труднодоступных удалённых островах.

Движение племён и народов к горам Кавказа происходило в основном с севера – со стороны южнорусских степей и с юга – из богатых краёв Закавказья. Цели передвижений, нашествий были разные – так же, как и у других племён и народов, заселивших освободившиеся или захваченные места.

Обратимся к соседней Грузии, граничащей с Дагестаном. Грузины считают себя выходцами хетто-иберийской группы, населявшей в древности Переднюю Азию. Хеттиды, перекочевавшие из Туркестана, вначале селились на плоскогорьях Малой Азии. Внешностью были схожи с азиатами: бритые головы, длинные чубы, заплетённые в косы, широкие длиннополые халаты, остроконечные шапки, высокие, загнутые вверх острыми носами сапоги. Воинственные хетты разбили ассирийцев и утвердились в Малой Азии.

Иберы (субары), селившиеся в Южной Европе и прибрежной полосе Африки, со временем оказались в Закавказье. На Пиренейском (Иберийском) полуострове до наших дней сохранились их древние соплеменники – баски. Баски очень схожи с грузинами. И что интересно, в речи басков встречаются десятки слов, которыми пользуются современные грузины.

Хетто-иберы, или хетто-субары, в своё время занимали огромное пространство – от Северной Месопотамии до хребтов Кавказа. Предпринимая далёкие походы, они подчинили себе Ассирию и, потеснив владения египетских фараонов, создали мощное государство. С началом Великого переселения народов государство хетто-субаров распалось на мелкие княжества, что закономерно привело к ослаблению страны. К концу второго тысячелетия до нашей эры раздробленные княжества хетто-субаров стала прибирать к рукам вновь усилившаяся Ассирия. Но им оказали мощное сопротивление княжества Биайна и Мана. Объединившись, они создали на территории современной Армении, Грузии и части Северного Азербайджана новое государство – Урарту. Народ, населивший эту страну, стал называться халдеями. До наших времён сохранили своё название некоторые поселения халдеев, в основном на юге Грузии.

Мидия, поднявшись с иранских нагорий и юга Азербайджана, подчинив себе Персию и север Месопотамии, в IV веке до нашей эры положила конец государству Урарту. Но и владычество мидян было недолговечным. Мидии продиктовали свою волю персидские цари династии Ахшенидов, поработив государства Закавказья и Дагестанского Прикаспия.

К северу от Кавказских гор и Чёрного моря обитали скифы. Они занимали огромное пространство от Дона до Дуная. Некоторые учёные к сарматам причисляют родственные народам Грузии племена черкесов и кистов. Персидский царь Дарий, подчинив мидян, сосредоточил свою кавалерию на подступах к Прикаспийскому проходу и двинулся на Сармато-Скифию, но, потерпев поражение, вынужден был отступить. Тогда скифы и сарматы, в свою очередь, стали вторгаться во владения Дария в Атропатене (Азербайджан), Армении, Грузии – и не без успеха.

Недавно стало известно, что в белорусском Полесье сохранилось племя скифов. Я была удивлена: ведь из школьных учебников мы знали, что скифы исчезли как народ ещё в IV веке. А тут оказывается, что часть скифов осела в Полесье. Мало того, с приходом лета они отправлялись в херсонские степи на поклон к тайной гробнице скифской царицы. Надо пояснить, что сегодня носители исторического рода имеют обычные белорусские фамилии, многие даже

не задумываются о своей родословной дальше третьего колена. Мне доводилось встречаться с белорусами, выходцами из тех мест. Начнёшь наводящие вопросы задавать, и человек вдруг вспоминает детские впечатления, что бабушка или дедушка в деревне рассказывали о целительстве, про особые знахарство, колдовство, ни на что не похожее гадание, о том, что оно де пошло ещё от скифов... Кроме «скифского пласта», интересно белорусское Средневековье. Это поистине удивительное сочетание европейской культуры, впитавшей в себя рыцарские предания, замковую и дворцовую культуру, со славянской мифологией, очень отличающейся от соседних братских народов. К примеру, в белорусском Полесье в народной традиции существует едва ли не до сих пор культ ужа, а вот в Украине этого нет. Примеры можно продолжать.

Убеждена: в каждом уголке – даже самом обжитом – есть свои загадочные места: святые и почитаемые, проклятые. Посмотрите на любую карту, и вы найдёте там Чёрный лес или Чёрную речку, какое-нибудь Чёртово озеро, с которым связаны местные предания и суеверия. Множество тайн ещё ждут своей разгадки, своего первооткрывателя.

Касаясь истории древних стран и народов Закавказья, не могу обойти молчанием существовавшую здесь до IV века нашей эры Албанию, территория которой занимала север и юго-восток Азербайджана с нагорной частью Дагестана. На севере это государство граничило с Сарматией, на западе с Иберией (Грузией), на юго-западе с Арменией.

Плиний и Птолемей, описывая Албанию, перечисляют названия её внутренних рек: «Кае» – Сулак, «Албан» – Самур, «Гер» – Аксай и другие. Северным пределом Албании они считают устье «Соаны» – Терека. Кавказская Албания была разноплеменным государством. Основное население занимало побережье Каспия. Здесь было развито рыболовство, виноградарство, садоводство.

Вторым крупным племенем считались удины. Вдоль реки Гаргар обитали гаргарийцы. Армянский учёный Моисей Хоренский, говоря о языке гаргарийцев, отмечает обилие в их речи грубых гортанных звуков. Мне думается, что гаргарийцы – сколок тюркского племени. Своё название они могли взять от имени вождя Гаргара – изменённое «карга», что и теперь на тюркском означает «ворон». Тюркский элемент в языке гаргар мог быть подавлен смешением других наречий. Во всяком случае, в те времена тюркюты пробили себе путь до Босфора, осев частично на землях Кавказа.

Страбон говорит также о гилах (гелах) и лигах (летах), от которых, возможно, берут начало лаки – лакцы, населявшие нагорную часть Дагестана, входившую в состав Албании. Во всяком случае, античные географы называют 26 различных по языку племён, населявших Кавказскую Албанию.

На побережье Каспия и там, где Араке впадает в Куру, обитало племя каспиев, древнего народа, тоже входившего в состав Кавказской Албании.

Албане поклонялись Луне. В их стране было немало храмов, посвящённых этой богине. Обряды богослужения, проводимые жрецами, сопровождались жертвоприношениями, храмам и жречеству принадлежали обширные земли. Верховный жрец приравнивался к царю. Птолемей насчитал в этом государстве 29 крупных городов, расположенных в основном по берегам моря и рек.

Здесь я позволю себе снова вернуться к персам. Персы относились к большой семье арийских (благородных) народов. Вначале они кочевали на плоскогорьях Средней Азии. Позднее разделились на две группы. Одна двинулась на юг – к долине Инда и легла в основу современных индусов. Вторая группа откочевала к иранским плоскогорьям и долинам. В эту вторую группу входили и мидяне. Усилившись, этот народ, как я уже сказала, разрушил государство Урарту, покорил Ниневию, Ассирию. Но их господство длилось всего лишь полвека. Мидян привёл к зависимости и покорности персидский царь Куруш (Кир).

Куруш, объединив свои силы с мидянами, взял Вавилон, Сирию, Финикию, Палестину и часть Греции. Его сын пошёл дальше и захватил Египет. При Дарии и его сыне персы завоевали часть Греции. Но греческий народ восстал и сбросил персидское иго.

В этот период набирает силу и Македония. Страна эта простиралась от Балканских гор до северо-западной части Эгейского моря. Поднял македонцев на ратные подвиги царь Филипп. Продолжил дело отца молодой император Александр (Македонский). Своими блестящими успехами, военными походами молодой государь был обязан старым, умудрённым опытом полководцам, закалённым в ратных делах ещё при Филиппе. Кроме того, в многочисленной свите, сопровождавшей молодого завоевателя, находились учёные мудрецы-советчики, такие как Аристотель. Свой поход Александр Македонский начал с Азии. Покорив Малую Азию, он вторгся в Закавказье и прошёл до Дербентского прохода. Отсюда снова повернул на восток, покорил Сирию, Египет и, если бы в пути его не настигла смерть, дошёл бы до Индии.

Греки рассеялись по черноморскому побережью, предгорьям Северного Кавказа и другим землям. Они основали многие города в Крыму и на Кубани. Но и могуществу греческой державы пришёл конец, как приходит он государствам, силою оружия расширяющим свои пределы.

В Средиземноморском бассейне поднимается рабовладельческий Рим. В свою очередь, римские легионы вторгаются в Малую Азию, затем в пределы многострадальной Армении. На помощь армянам приходят объединённые силы Атропатены (Азербайджана), Грузии и Албании. Римский полководец Лукулл терпит поражение и отступает. Тогда римский сенат направляет в Закавказье лучшего из полководцев – Гнея Помпея. На сей раз римляне разгромили армян. Наступили холода, и Помпей решил разбить лагерь в долине реки Куры и здесь перезимовать.

Албанский царь Орайз не сомневался в том, что с наступлением тепла римляне ринутся в пределы его владений. Он решил опередить Помпея, напасть на его лагерь неожиданно. На берегу Куры завязалось жестокое сражение. Победу одержали численно превосходящие силы Помпея, к тому же расположившиеся на выгодных позициях. Орайз отступил.

Второй бой римлянам дал Козис, брат Орайза. Бесстрашный албанец пробился через строй легионеров и набросился на самого Помпея. От верной гибели последнего спасли панцирь и доспехи. Козис потерпел поражение. В этом бою наравне с албанскими воинами сражались женщины. Они тоже, как и мужчины, были облачены в панцири, шлемы, доспехи, прекрасно владели пиками, луками, пращей и ловко держались на взбешённых конях. На поразительно храбрых албанок обратили внимание, когда они попали в плен. С тех пор по миру распространилась легенда о существовании в горах Кавказа страны, населённой воинственными амазонками.

Орайз вынужден был заключить мир с Помпеем. Берегом Каспия римляне двинулись в глубь Албании, но у стен нынешнего Дербента, встретив отчаянное сопротивление народа, повернули обратно. Вслед за римлянами на ослабленные государства Закавказья с севера напали аланы и, опустошив страну, вернулись в свои степи и предгорья Северного Кавказа. Все эти нескончаемые войны и разорения ослабили Албанское царство. Оно стало распадаться на мелкие обособленные княжества, близкие по языку и верованиям.

От Албании осталась полоса, тянувшаяся вдоль берега Каспия с древним городищем, которая оканчивалась в самом узком месте прохода между морем и горой Бешбармак, где позже был построен Дербент. Этот проход прежде назывался Албанскими воротами, затем Дери бенди – закрытыми воротами, при арабах – Боэ-эль-Аббаб. Столица древней Албании – Кабола – находилась среди девственного леса около нынешнего города Шеки в Азербайджане.

В V веке под натиском надвинувшихся со стороны Северного Кавказа гуннов и сарматов границы Албании начали сужаться. Замечу, что албаны исповедовали христианскую религию, но она не получила распространения. Мощь Ирана, волнообразно поднимающаяся и спадаю-

щая, вновь поднялась и могучей волной накрыла Армению, Иберию, Атропатену и раздробленную Албанию. Не помогла армянам, поселившимся на побережьях Каспия после падения Урарту, помощь объединённых сил гуннов и аланов. Воцарился Сасанидский Иран на западном побережье Каспия. Но унять воинственные племена гуннов-кушанов (чёрных гуннов), сабиров, относящихся к одному из племён, входивших в Хазарский каганат, персам не удавалось. Их дерзкие набеги постоянно наносили ущерб персидским владениям.

Тогда иранцы оградили проход высоким валом. Но и это препятствие не удерживало буйных степняков. И решил персидский царь Иездегард возвести могучие каменные стены с железными воротами и сторожевыми башнями от моря до вершины горы на северной и южной стороне самого узкого места прохода. Строительство этих укреплений закончили его сыновья. Между стенами был помещён гарнизон охраны. Здесь выросло сначала поселение с величавой крепостью и ханским дворцом на господствующей над селением высоте, названной Нарын-Калой, что означает «красивая крепость». Остатки её и в наши дни в своих развалинах хранят память о былом могуществе. А выросший из воинского поселения город Дербент живёт настоящей жизнью, сохраняя своё прошлое в надгробиях древних кладбищ.

Этот экскурс в древнюю историю различных народов и стран, находящихся в непосредственной близости и отдалении от Кавказа, в частности от Дагестана, я позволила себе с целью убеждения в том, что смешение племён и народов происходило здесь непрерывно. Оно продолжалось и носило не менее интенсивный характер с началом колонизации Россией.

Как известно, ислам прочно утвердился в Дагестане уже в VIII–IX веках. В жизнь же разноплеменных народов остальной части Северного Кавказа мусульманство начало проникать в основном в XVII–XVIII веках, под нажимом духовенства султанской Турции и вассальных единоверцев – крымских татар.

Преданные своим старым культам племена Северного Кавказа не проявляли особого рвения к новой религии, трудно усвояемой из-за чуждого языка молитв. Так что магометанство не могло здесь играть объединяющую роль горских народов.

Экспансия России в восточную сторону началась именно с Северного Кавказа.

Когда переселяемые Екатериной II из российской глубинки казаки стали занимать прибережные и присунженские плодородные земли ингушей и чеченцев, последние взбунтовались. И никакое влияние на них не могли оказать турки и крымское духовенство, территориально отдалённое, к тому же зорко охраняемое частями царских войск.

И всё же, несмотря на явные проявления Россией захватнических целей, ингуши и чеченцы старались сохранять добрососедские отношения с казаками. Более того, заводили с казаками из появившихся новых станиц дружбу, давали убежища беглым, сами на почве междоусобиц и вражды покидали родные очаги и поселялись среди русских и казаков.

И поныне сохранились в некоторых станицах целые династии, например чеченцев Булаевых, вышедших из тейпа (рода) Гуной, или Байсунгуровых, Токовых, Егоркиных в станице Червлённой, Костиковых (Костековых), Закаевых в станице Гребенской и многих других. Аналогично добровольные перебежчики или пленённые казаки, не упорствующие в своей преданности Христу, обращались в мусульман и приписывались к тому населению, среди которого обитали. Само слово «казак», вошедшее в обиход мусульманских народов Кавказа, означало «раб», «слуга», чаще всего из числа купленных на невольничьем рынке или пленённых.

Говоря о взаимосвязи, взаимоотношениях и смешении различных племён в процессе военных нашествий, миграций, хочу остановиться ещё на истории народов, движение которых было связано и с Кавказом.

Скифы – древнейший народ европеоидного типа, рослый, выносливый, крепкий, белокожий, светловолосый, светлоглазый. Двигался он на юг с побережий Ледовитого океана, оставляя в пути среди других племён следы своего присутствия. Эти следы остались в Сибири, в горах Алтая, на берегах Енисея, Волги, Дона и на долгие годы утвердились на побережьях

Чёрного, Азовского, Каспийского морей, их последующая волна разлилась по Малой Азии и докатилась до Эгейского моря и Египта.

Аборигены Кавказа – аланы, часть которых является потомками скифов, – в те далёкие времена внешне были схожи со скифами.

Монголоидные гунны, обитавшие в горах Северного Китая и степях Восточной Монголии, задолго до нашей эры вели непрерывные войны с Китаем. Оттеснённые последним в голодную пустыню Гоби и на юг Сибири, они долго накапливали силы и через несколько столетий возвратились к могилам предков в горах Тянь-Шаня. Окрепнув и набрав силу, гунны перешли через Китайскую стену, покорили часть страны, заставив китайцев платить дань. Но недолго мирился Китай с диктатом гуннов. Не объявляя войну тяньпаньцам, китайцы начали теснить и постепенно истреблять гуннов. Последние стали отступать в сторону Великой степи. Но в ней безраздельно властвовало могучее племя жестоких жужаней. Остатки гуннов вынуждены были искать спасения в горах Алтая. Отсюда через несколько десятилетий вновь спустились гунны с луками, заостренными пиками и острыми наконечниками стрел. На полном скаку ворвались они в Янцзынь, очистили от китайцев горы Тянь-Шаня, но не стали утверждаться в стране праотцев, вернулись на Алтай.

Здесь, в государстве Гоачжуй, и осели среди племён тюркютов, таких же белокожих, светловолосых и голубоглазых, что скифы и гунны. Со временем они смешались с тюркютами, переняли обычаи, нравы, предав забвению свой язык, переняли тюркский и стали называться тюркютами. К горам Алтая со временем, отколовшись от жужаней, откочевали народы племени теле и объединились с тюркютами. С того времени на мировую арену выдвинулся могучий Тюркский каганат.

В 553 году тюркюты мощной лавиной схлынули с гор Алтая, разбили орды жужаней и, овладев Великой степью, дошли до Амура. Не прошло и пяти лет с тех пор, как огромное пространство от Жёлтого моря до Арала оказалось в руках гуннов-тюркютов.

Расколовшийся надвое Великий тюркский каганат окончательно был разбит китайцами в союзе с уйгурами. Одно из племён голубых тюрков – бичис (печенеги) поспешно откочевало к берегам Волги. Но в низовьях Волги царствовали ранее пришедшие сюда тюрки-огузы из племени салыров. Объединённые силы хазар и огузов оттеснили печенегов с Поволжья до Балкан.

Но и союз исповедующих иудаизм тюрков-хазар с идолопоклонниками тюрками-огузами был непрочен. Вождь огузов Сельджук поссорился с хазарским царём и увёл соплеменников в пески Средней Азии. Здесь мятежный Сельджук разорил Бухару и в ней утвердился.

Два его сына – Тогрул и Чагры, объединив своих всадников, захватили Мевр, затем Рей, Хамадан, Исфаган, Балх, Закавказье. Через некоторое время Тогрул овладевает Багдадом, а сын Чагры – Алп-Арелан в сражении с византийским императором Романом одерживает победу, пленит царя и утверждает в Царьграде. Так возникает новое могучее государство, расширенное позднее султаном Османом, любимым героем турецких сказителей и поэтов.

Миграционные процессы особенно возрастали во время крушения империй, когда военные стихии страшным ураганом сметали массы народа с насиженных мест. Под натиском тех же гуннов из Центральной Азии, от гор Тянь-Шаня и Куньлуна тюркские племена вынуждены были бежать в Среднюю Азию, Индию и Афганистан.

Когда-то арийские племена неситов и левийцев, выделившись из индоевропейской группы, ушли в Малую Азию – регион Анкары – и, смешавшись здесь с хеттами, лишились первоначального этнического наименования.

Некоторые современные учёные-этнографы утверждают, что древние племена, селившиеся в Поволжье, на берегах Дона и Днепра, во втором тысячелетии откочевали и осели в Индии. Название реки Дон они связывают с древнеиндийским словом «дану», что означает «вода».

Вполне вероятно. Примечательно, что слово «дон» и на языке осетин означает «вода». Осетины имели прямое отношение к древним персам, часть которых мигрировала в Индию.

Таким же образом эскимосы когда-то, перебравшись через Берингов пролив, пришли в Америку и со временем оттеснили аборигенов края – индейцев до юга Канады.

Наряду с Кавказом и государствами Закавказья интерес, в смысле этнической пестроты, представляла Средняя Азия. Здесь, в частности около Бухары, можно найти селения с такими названиями, как Кара-Китай (чёрные китайцы), Калмук – калмыки, Казак – казахи, Узбек – название от имени вождя племени Узбека. В горах Таджикистана ещё сохранились селения Тюрк, Кыпчак – по названию половцев, обитавших на юго-востоке Руси. В Гиссарской долине Таджикистана жители селения Муса-Базары тоже говорят на тюркском языке. Надо полагать, что все эти народности и есть потомки племён, когда-то входивших в состав Великого тюркского каганата.

В этом отношении интерес представляют и потомки тюркского племени, основавшего городище Согду в Таджикистане. Здесь в середине VII века арабскими завоевателями было уничтожено всё мужское население – от мала до велика. Тогда, чтобы поддержать жизнь согдийцев, арабский полководец Насыр ибн Сейяр пригнал из Хорасана (Северного Ирана) мужчин-татов, относящихся к одному из народов, населявших Персию. Их соплеменники ещё в IV веке были переселены персидским царём Кавадом, затем его сыном Хосровом Ануширваном в Дербентское укрепление. Потомки их и в наши дни живут в Дагестане и называются татами, исповедуя иудаизм. Так вот от смеси тех согдиек (турчанок) и хорасанских татов народилось новое племя, именуемое теперь таджиками. Таджики, в отличие от дагестанских татов, исповедуют ислам, а говорят те и другие на одном – татском – языке, относящемся к языкам индоевропейской группы.

Ещё в начале XI века на юго-восточных просторах, граничащих с Киевской Русью, обитали печенеги (половцы). Печенеги – это потомки племени биче – осколка голубых тюрков, обитавших в горах Алтая и входящих когда-то в состав Великого тюркского каганата.

Киевский князь Владимир (Красное Солнышко), принявший и утвердивший христианство на Руси, перед смертью разделил свои владения между сыновьями – Святополком, Ярославом, Борисом, Глебом, Святославом и Мстиславом. Сам Владимир, его сыновья и внуки ещё вели войны с печенегами, но не об этом речь. После смерти князя Владимира между его сыновьями началась междоусобица за царский престол Киева. Жертвами её пали сначала Борис (Ростовский), затем Глеб (Муромский). Причём последний был убит собственным поваром, которого звали Турчин. Некоторые советские историки происхождения Турчина связывают с племенем торки, появившимся на Руси не в начале, а ближе к середине XI века, и недоумевают, как это Турчин мог появиться в 1015 году в Муроме. Чему удивляться, если те же киевские князья не только враждовали с печенегами, но и использовали их как союзников в междоусобицах. А само имя Турчин могло быть связано не только с появившимся в середине XI века племенем торки (тюрки), но и с самими печенегами-тюркютами, которых могли пленить и содержать при себе князья.

Давайте теперь проследим за вождём одного монгольского племени, кочевавшего между реками Керулой и Онон у границ Сибири, – Тимучином.

Разбив враждовавшую с ним соплеменную орду, присвоив титул Чингисхана, объединив и покорив племена, оставшиеся от распавшегося Тюркского каганата, Чингисхан в 1211 году завоевывает Северный Китай, через девять лет Среднюю Азию, ещё через пять лет на гребне могучей волны врывается в пределы северо-восточного Ирана и Афганистана.

Его сын Батый, продиктовав свою волю народам Закавказья и Кавказа, вступает в пределы Восточной Европы. Разбив дружины южнорусских князей и их союзников половцев (печенегов) на реке Калке в 1240 году, он кладёт начало татаро-монгольскому игу на Руси. Почему татаро-монгольскому? Потому что хан Батый привёл на Русь вместе со своими ордами татар, которые до XII века жили на Хингане (южнее Амура) и относились к тюркоязычному племени найманов.

Продолжавшееся три столетия татаро-монгольское иго на Руси не могло не повлиять на этногенез народов, населявших её. Это выразилось в монголоидном типе, встречающемся среди русских, как, впрочем, и среди других народов, подпавших под власть монголов. И кто, в частности, из русских может отрицать, что кровь их не смешана, скажем, с татарской. В этом можно убедиться, порывшись в родословной людей, имена которых вошли в историю русского государства.

Борис Годунов (1589 год) – сын обрусевшего татарского мурзы.

Князь Антиох Дмитриевич Кантемир (1703 год). Для всякого, знающего тюркский язык, становится ясным происхождение этой фамилии, состоящей из двух тюркских слов: «кан» – кровь, «темир» – железо (кровавое железо). Фамилия Кантемиров встречается и среди мусульман Дагестана. Хотя, если обратимся к биографии, Антиох Дмитриевич – сын молдавского господаря, родился в Константинополе и вроде бы отношения к татарам не имеет.

Державин Георгий Романович, уроженец Казани. Державины род свой вели от золотоордынского мурзы-татарина.

Карамзин Николай Михайлович (1766 год) родился на Волге в селе Михайловском (близ Симбирска). Род Карамзиных тоже берет начало от татарского князя Кара-Мурзы.

Аксаков Сергей Тимофеевич (1791 год), уроженец Уфимской губернии. Если опять-таки обратить внимание на фамилию, то «Аксак» по-тюркски означает «хромой».

Этот перечень можно продолжить, касаясь фамилий таких известных на Руси династий, как Черкасовы, князья Юсуповы и прочие.

А.С. Пушкин – потомок арапа Петра Великого (абиссинского князя Ганнибала), наверное, не сомневался в малороссийском происхождении Кочубея – героя поэмы «Полтава», как не сомневаются ставропольцы в русском происхождении Ивана Кочубея, героя Гражданской войны, повешенного белыми в 1919 году в городе Святой Крест (ныне Будённовск). А ведь имя Кочубей – черкесское, хотя встречается и у других народов Кавказа, так же как Аджу. А «бей» – титул благородства (Аджубей, Измаил-бей).

Но обратимся снова к Дагестану. Название народностей, племён, обитающих здесь, чаще всего связано с названием мест прежнего обитания – местностью, морями, реками, озёрами, а также с именами вождей. Именно в них они сохранились и предстали перед нами со всей сложностью этнической пестроты.

Так, например, авары (аварцы) – название собирательное в этническом смысле – народ, состоящий из смеси алан-сарматов и гуннов (хуннов), то есть ариев с монголами. Если в аварских районах Дагестана в названиях селений преобладал гуннский элемент – Гинниб, Гунбет, Хунзах, то в селениях лакцев хотя и встречаются гуннские наименования – Гунн-Мункх (Кумух), Гунчукатль, но встречаются аулы, названия которых хранят тайны истории и других древних народов. Так, например, недалеко от Кумуха у вершины горы стоит аул Ур. Известно, что в XXII веке до нашей эры был совершён знаменитый Эламский погром Ура, в котором жили древние племена Ирана, а в настоящее время обитают луры и курды. Есть другой аул – Ури-Мукархи. Часть народа, живущего в нём, называется урми. Озеро Урмия (Резайе) находится в Иране – в низовьях Евфрата. Окрестности его тоже были населены с древности и не раз подвергались нашествиям.

Лакский аул Куба, в котором живут кубинцы, с этой точки зрения тоже представляет интерес. Инал-Куба, что на побережье Кубани, существовал и на Северном Кавказе. Кубинский район и сейчас благополучно существует в Азербайджане. Есть ли связь?

Аул Кума – население куминцы – разве не может иметь отношения к куманам, жившим на побережье Кумы Северного Кавказа? В Лакском районе есть аул Вихли. Существует предание, что вихлинцы переселились сюда из Сюрги (Кубачи-Зерихгерана). Своих непосредственных южных соседей – лезгин лакцы называют куралами. Не с побережий ли Куры поднялся этот народ в поисках убежища к заоблачным вершинам дагестанских гор?

После того как Персия утвердилась на кавказском побережье Каспия и преградила могучей стеной и железными воротами в самом узком месте «великий проход», Казикумух превратился в крупный торговый центр. Сюда и отсюда шли купеческие караваны на юг, в Закавказье и на Север. В этом пограничном городище оседали крупные торговцы в ожидании покупателей, являвшихся из сопредельных государств и соседних селений. Тогда ещё и в помине не было портового города Махач-Калы и появившейся в XVIII веке Темир-Хан-Шуры. А дороги вились по предгорьям, склонам гор, долинам рек, и одна из колёсных (царская) вела к Казикумуху и дальше, через горы, в пределы Азербайджана и Грузии уже по тропам.

Когда-то Кумух (Гунн-Мунк – страна гуннов) был разделён на магалы и махла (районы), а последние, в свою очередь, на джамааты – кварталы. Каждый махла жил обособленно из-за разноплеменного состава населения, с различным вероисповеданием и культовыми, жреческими храмами. Основное население – лакцы – исповедовало христианство. Но были здесь и магалы персов и армян – зороастрийцев и синагоги хазар, исповедующих иудаизм. У каждого из жителей махла были свои отдельные кладбища. Например, до наших дней сохранилось Семирдарал гаталлу – кладбище хазар-семендерцев.

Один из крупных городов Хазарии, который находился рядом с аулом Тарки на горе Тарки-Тау, возвышающейся над Каспием, был хорошо известен историкам. Христианство к лакцам проникло из Грузии, которая на много веков раньше, чем Россия, приняла православие.

С нашествием арабов во второй половине VII века и в начале VIII века ислам был утверждён во всём Дагестане. Первый мусульманский собор был возведён лакцами с помощью арабов в Казикумухе. Эта Джума-мечеть, в которой проводилось богослужение в пятничные дни, сохранилась и по сей день.

Казикумух испокон веку славился не только торговцами, купцами, искусными мастерами-ювелирами, но и самыми лучшими на Кавказе оружейниками. С утверждением ислама Казикумух стал религиозным центром не только Дагестана, но и всего Северного Кавказа. Здесь при Джума-мечети было открыто медресе, где способные юноши изучали теологию, шариат – мусульманское право, чтобы стать со временем муллами, кадиями в других районах и округах горного края. Несмотря на усердие в соблюдении мусульманских законов, казикумухцы отличались веротерпимостью.

Лакские учёные-арабисты сыграли определённую роль в возникновении национально-освободительного движения среди горцев Дагестана. Достаточно сказать, что первым учителем, наставником, а затем главным советником имама Шамиля был учёный-арабист шейх Джамалуддин Гусейн, который сопровождал его во всех походах и породнился с имамом, выдав за него свою дочь Загидат.

Шамиль – человек высокой культуры, честный и порядочный от природы, чуждый лжи, лицемерия, корысти. Зная склонность к мошенничеству торгового люда, он долго подбирал для своего имамата министра торговли и остановился на казикумухском купце, который прослыл человеком предельно порядочным и честным в торговых делах. Шейх Джамалуддин Гусейн пополнил библиотеку зятя-имамом множеством своих драгоценных томов по геологии, законоведению, истории, географии, военному делу, поэзии, литературе, вывезенных из Багдада, Каира, Стамбула, Дамаска, других крупных городов восточных государств. Книги едва вмещались в перемётные сумы, взваленные на спины сорока мулов, лошадей и ишаков.

Но обратимся к событиям, предшествовавшим возникновению мюридизма и освободительного движения, возглавляемого Шамилём. Освободительное движение народов началось с Северного Кавказа, с начала экспансии в эти края царской России. Выражалось оно поначалу в виде протестов и возмущений отдельных поселян, которых отгоняли (вернее – сгоняли) с насиженных мест казачьи войска, посланные Екатериной II, чтобы проложить путь к Каспию и утвердиться на всей Кавказской линии.

Успехам сил империи благоприятствовала этническая и религиозная раздробленность коренного населения, к тому же постоянно враждовавшего между собой.

Кроме того, племена Северного Кавказа, живущие в пограничных с Россией регионах, из-за добрососедских отношений и сложившихся контактов с русскими не проявляли особого сопротивления движению русских, если дела не касались их личных интересов.

Так, например, в Кабарде, в которой феодальные отношения получили большее развитие, князья и местная знать придерживались русской ориентации. Многие кабардинцы состояли на службе в местной царской администрации и войсках. Однако часть князей, земельные владения которых подвергались реквизиции с целью возведения крепостей, кордонных укреплений, заграждений, за которыми помимо всего находили убежище беглые кабардинские крестьяне, придерживалась турецкой ориентации и поддерживала связь с мусульманским духовенством Крыма. Естественно, возникали столкновения между ними и русскими, но опять-таки они носили эпизодический, локальный характер.

Дела на Кавказе усложнились с продвижением русских войск к Чечне. Здесь ещё прочны были родоплеменные отношения, а ислам, проникший из Дагестана, носил устойчивый характер. Насильственное вытеснение ингушей и чеченцев с плодородных земель вызвало массовое возмущение. В результате в 1785 году поднялся мятеж, который возглавил учёный-арабист шейх Мансур из аула Алты-Кабак. Против чеченцев был направлен отряд карателей, которому удалось прорваться в ставку шейха Мансура. Повстанцы вместе с мирянами укрылись в окрестных лесах и устроили засаду у дороги. Когда солдаты, предав огню селение и вытоптав поля, возвращались обратно, чеченцы напали на них, часть во главе с полковником уничтожили, остальных пленили.

Воодушевлённые этим успехом чеченские и ингушские повстанцы, предводимые шейхом Мансуром, предприняли ряд более дерзких наступательных действий, пытаясь захватить Кизляр – крупный стратегический пункт на Кавказской линии, но безуспешно. С кинжалами, пашками и пороховыми винтовками мансуровские мухаджиры были бессильны перед мощью русской артиллерии.

Мансур, покинув Чечню, ушёл в Кабарду, а после безуспешной попытки сколотить силы под зелёным знаменем пророка отправился за Кубань – ближе к туркам. Там, встретив равнодушие со стороны единоверцев, шейх пытается пойти на примирение с русскими. Но командовавший войсками генерал Потёмкин отказал Мансуру. Тогда он переметнулся в турецкий лагерь, готовящийся к войне с Россией. Война началась осенью 1787 года. Шейх Мансур прилагал все усилия с помощью религиозных проповедей поднять черкесов и карачаев против России. Но народы эти не поддержали посланца турок. При битве на реке Уруп небольшой отряд шейха был разбит, а сам предводитель бежал в Анапу.

Война продолжалась. Здесь надо сказать, что мусульманское население Кавказа не откликнулось на призывы к священной войне султана Селима III. Турки потерпели поражение. Был схвачен и шейх Мансур. По указанию Екатерины II его заточили в Шлиссельбургскую крепость, где он и окончил свои дни. Всё это я описала не только ради того, чтобы осветить предысторию шамилёвской эпохи, а главным образом в связи с одним из моих произведений – поэмой «Батал-паша».

Вероятно, из-за чрезмерно развитого чувства патриотизма и национальной гордости некоторые дореволюционные, а большей частью современные историки искажают факты и переоценивают действия сил империи, не считаясь даже с событиями, сыгравшими значительную роль в победе вооружённых сил России.

Когда-то меня заинтересовало название станицы Баталпашинской (ныне город Черкесск) и то, почему в те 1790–1791 годы, когда шла война с турками, казачью станицу вдруг назвали именем вражеского полководца, командовавшего турецкими войсками на Северном Кавказе. Как удалось выяснить в результате консультаций с известными учёными, литераторами Азер-

байджана, Карачая, Батал-паша – черкес по национальности. С юношеских лет находился на военной службе в войсках султанов и прославился как талантливый, бесстрашный военачальник, умноживший владения империи турок. Собственно турок в государстве Сельджука и Османа, завоевавших Переднюю Азию, часть юго-востока Балканского полуострова, омываемого Чёрным и Средиземным морями, меньшинство. Основная часть жителей этнически разнородная. Вооружённые силы тоже состояли из двух родов войск. Первый – мусульманский, дислоцировался в пашалыках (владениях) во главе со светской властью в лице пашей. Второй – янычары, регулярная разноплеменная пехота иноверцев, созданная султаном Османом в XIV веке из рекрутированных в основном балканских народов.

Это была замкнутая военная каста, обособленная своими правовыми нормами, не всегда покорная, готовая взбунтоваться и опрокинуть власть неугодного султана. Правители Турции в делах, значимых для империи, делали ставку на преданных народу и стране пашей, с регулярными, строго придерживавшимися структурных делений аскерами-атлы (конниками).

Одним из таких пашей-военачальников при султани Селиме III был Батал-паша. Его сила казалась неистребимой, его слава – неуязвимой, его преданность трону – непоколебимой.

Объявив войну России, султан Селим III ранней осенью 1790 года направил двадцатичетырёхтысячную армию с множеством пушек, во главе с испытанным в боях полководцем Батал-пашой на Северный Кавказ. Беспрепятственно дойдя до означенных пределов, турецкие войска переправились через Кубань. Здесь сераскир разделил свои силы на две части. Одну направил в сторону высот, через которые шла дорога на Пятигорск, другую повёл на укрепление, расположенное там, где теперь стоит город Черкесск. И тут случилось нечто неожиданное: обрадовав Екатерину II и возмутив Селима III (если верить сообщениям русских военных историков, подтверждённым и советскими учёными), двадцатичетырёхтысячное войско турок было в течение одного дня разгромлено, и кем – четырёхтысячным отрядом русских. Причём не на выгодном, укрепленном рубеже, отбивая огнём артиллерии атаки, а в течение одного дня, в открытом поле, между реками Тохтамыш и Кубанью. Впрочем, и сам командующий Батал-паша был взят в плен. Разве не свежо предание?

Если задолго до нашей эры карфагенянин Ганнибал считался знатоком стратегии и тактики, принёсших ему мировую славу при Каннах, в войне с Римом, или же если познания в военной науке позволили средневековому учёному Макиавелли писать о военном искусстве, то, наверное, живший в конце XVIII века образованный полководец, чин которого по меньшей мере равнялся генеральскому, имел какие-то познания в искусстве современного ведения боя. Даже мне, женщине, не имеющей элементарного понятия в военном искусстве, трудно поверить, что в те времена, когда вооружённые силы не были оснащены военной техникой, повышающей манёвренность войск, и орудиями, рассчитанными на массовое поражение противника, могло быть такое.

Легенду, а вернее, печальную быль донесли до наших дней пишущие и помнящие люди, передавая из поколения в поколение. Мне же о трагической истории Батал-паши рассказали старые друзья – писатели, академики, знающие языки, прошлое Кавказа и стран Ближнего Востока, в частности Турции.

Защитники Баталпашинской крепости, узнав о приближении бесчисленных сил турок, бежали. Когда авангардный отряд во главе с Батал-пашой стал приближаться к Солдатской слободе, навстречу ему выбежала девушка и стала молить о пощаде жителей слободы, ради которых она готова заплатить жизнью. Видавший виды воевода был потрясён мужеством, самоотверженностью девушки и пленён её красотой. Могучая, безумная, бездумная, слепая сила чувств, вспыхнувшая в сердце прославленного полководца, вмиг погасила в нём воинственный пыл. Боевые действия были прекращены. Турецкие аскеры, теснимые русскими, возвращены в султанат Селима.

«Тень Аллаха» на земле разбушевалась – султан Селим не усомнился в том, что Батал-паша продался русским за золото. Он отправил послов с приказом, требуя немедленного возвращения в свой пашалык. Послов опередили друзья, предупредившие Батал-пашу о том, что, если он вернётся, его казнят.

«Если я не возвращусь, – ответил Батал-паша, – это расценят с одной стороны как трусость, с другой – как предательство, а с третьей – как продажность». И вернулся.

Пышную встречу устроили Батал-паше в Стамбуле. Щедрое застолье было в роскошном дворце Топ-Капу, а после этого Батал-паша был схвачен и брошен в дворцовую тюрьму. За недолгие дни заключения Батал-паша успел изложить на бумаге то, что отказался выслушать правитель. Жесток был приговор – напоить изменника, продавшего русским родину вместе с честью и совестью, расплавленным золотом. С мужественным спокойствием выслушал приговор Батал-паша и попросил передать письмо султану, очистить от мусора и грязи место казни, не связывать его и не класть на землю, а дать возможность самому выпить расплавленный металл. Последняя просьба смертника была удовлетворена.

Мир и война

К началу XIX века устало погрузились в старческую дремоту страны Востока. Теперь усилившиеся державы Западной Европы сначала обратили взоры на Восток, потом стали угрожать оружием. К мировому господству первой устремилась наполеоновская Франция.

Бонапарт, поработив ряд государств, вторгся в пределы России, Москву взял, но в конце концов был бит. Наполеоновская армия была разгромлена и бежала. Очистив Россию от захватчиков, русские освободили всю Европу от французского владычества. Властолюбивый корсиканец, на пятки которого наступил русский сапог, в позорном бегстве осознал, что «от великого до смешного – один шаг», так же как от могущества до ничтожества.

В связи с победой над Наполеоном международный авторитет России вырос. Но, став на путь капиталистического развития, она скоро сама превратилась в арену классово-борьбы. Охваченная волнениями внутри страны, Россия искала выхода. Выход был один – экспансия в соседние страны для расширения рынков сбыта, сфер влияния и отвлечения народных масс от мятежных дум. Россия становится черноморской державой, но этого мало. Есть ещё море Каспийское с иранской границей, а рядом единоверные армяне и грузины, земли которых попеременно прибирают к рукам, поработывая население, турки и персы. Но путь к закавказским христианам лежит через земли Чечни и Дагестана. Это между высотами Главного Кавказского хребта и морем Каспийским. По крутым перевалам на юг почти не пройти. Полоса узкого прибрежного прохода ограждена, да и народ здесь объединён одной верой.

Дагестанцы никогда не признавали власти даже единоверных персов и турок. Непокорные сыны его народов закалены в огнях войны. Это дерзкие уздени Дагестана преградили Надир-шаху путь на север. Это они на плато Турчидага схватились с закованными в латы персидскими богатырями, к изумлению окрылённого прежними победами Надира, обратили в бегство испытанных в боях мезандаранцев, ловких наездников Хорасана, прославленных пехлеванов Тегерана.

Дагестанцам нет дела до политики и мечтаний правителей великих держав. Они не хотят чужих земель, но и свои жалкие, каменистые, бесплодные клочки никому не уступят. Дагестан – это крепость, воздвигнутая самой природой. С его скалистых, крутых, заоблачных высот можно уничтожить врагов без чугунных ядер, выбрасываемых из жерл пушек, а просто осыпая градом камней. Царь урусов силён, его воины хорошо вооружены.

С первых дней назначения Алексея Петровича Ермолова наместником Кавказа и командующим войсками (1818 год) введённый им жёсткий режим в крае, с беспощадными расправами, поднял волну небывалого возмущения чеченцев, вылившуюся во второе всенародное восстание во главе с Бейбулатом, которое продолжалось до 1824 года и было жестоко подавлено.

Ермолов – герой войны 1812 года. Я вглядывалась не раз в его лицо, изображённое анфас и в профиль. Суровые, жёсткие черты, пронзительный, колючий взгляд, гордая осанка и самоуверенность физически сильного человека. О его резкости, дерзости, своенравии писали те, кто его знал близко. Племена и народы Кавказа для Ермолова – туземцы, низшая раса, которых нужно «не перевоспитывать, а истреблять». И он делал это, не щадя ни грудных детей, ни седых стариков.

Генерал-майор Николай Раевский, много лет прослуживший на Кавказе, писал: «Их вытесняли с насиженных мест, сгоняли на тяжёлые работы по возведению укреплений, дорог, мостов, а из-за нескольких человек, выступавших против произвола царских офицеров и чиновников, мстили целым племенам, уничтожая и стирая с лица земли целые аулы».

А сколько замечательных страниц, полных сочувствия, сострадания, восторга и восхищения, посвятили народам Кавказа Полежаев, Бестужев, Лермонтов, Пушкин, Толстой, другие передовые мыслители России!

Майор Семён Исадзе, начальник архива канцелярии наместника Кавказа, в своё время писал, что «одной из главных причин, заставивших соединиться племена Дагестана в общую организацию, была система, принятая Ермоловым по отношению к мусульманским провинциям».

Благородный грузин, знавший как никто другой психологию Ермолова и его задачи, направленные не только во имя интересов России, но и личной славы, пусть добытой жестокостью, прямо писал, что Ермолов стремился к уничтожению всего нехристианского на Кавказе. К великому удивлению, даже в наш просвещённый век находятся верхоглядья, которые восторгаются Ермоловым, как «львом, стрелою уязвлённым», которого даже такой «жандарм Европы», как Николай I, осуждал за чрезвычайные меры по отношению к туземцам Кавказа. Ох, как любят бессильные, безвольные дикую страсть к деяниям злых «гениев», забывая, что гениальность несовместима со злом! Известно ведь, что к физической силе прибегают те, кто не способен воздействовать силою ума.

Нет и не было у меня близких друзей среди чеченцев. Но я всегда относилась сочувственно к этому многострадальному народу – так же, как и ко всем народам мира, унижаемым правителями.

Как-то уже после репатриации чеченского народа я побывала в Грозном и очень удивилась, взглянув на панно с изображением Ермолова. Надо же до такого додуматься! Не хватало ещё рядом Сталина – «защитника угнетённых народов Востока».

Вскоре после того, как народы нашей страны освободили мир от фашистского порабощения, авторитет Советского Союза стал незыблемым. По всему миру рушились националистические и религиозные перегородки нетерпимости, духовенство большинства стран стало выступать поборниками за мир и вместе со всем сознательным человечеством отстаивать национальную независимость. Именно в это время, в 1950 году, по инициативе первого секретаря ЦК Азербайджана М. Багирова, конечно же не без указания Сталина и Берии, в Баку был поднят вопрос «О пересмотре взглядов на движение мюридизма и Шамиля». Эти три большевика, не имевшие элементарных понятий в поднятом вопросе, имели силу, способную обращаться с историей как с гаремной наложницей.

Перед тем азербайджанский историк Гейдар Гусейнов написал научный труд, в котором было сказано, что азербайджанский народ в своём освободительном движении следовал примеру народов Дагестана под руководством Шамиля. Труд Гусейнова был представлен на соискание Сталинской премии. И вдруг М. Багиров вызывает к себе профессора Гусейнова, даёт ему пощёчину (а рукоприкладством Багиров занимался часто) и пригрозил, что сгноит его в подземелье за то, что он так написал. Гейдар Гусейнов вернулся домой и покончил жизнь самоубийством. Как и следовало ожидать, после этого начали появляться публикации М. Багирова, А. Даниялова в газетах и некоторых компетентных авторов в журнале «Вопросы истории» по поводу освободительного движения горцев Дагестана и Чечни под руководством Шамиля.

В полемику включилась и я. Моя статья была одобрена редколлегией журнала «Вопросы истории» и готовилась к публикации. Была она одобрена и идеологическим отделом ЦК. Но тут же сработали соответствующие механизмы. Оказывается, я, как врач, «не способна освещать вопросы, которыми занимаются профессура и государственные деятели». Хотя надо отдать должное работнику ЦК Черняеву, который поверил мне и старался помочь, но восторжествовала правящая сила.

В это время мною была начата работа над романом-трилогией «Имам Шамиль», и я решила не «искать ветра в поле» – отразить в романе факты, документально подтверждённые.

А пересмотр освободительного движения народов Дагестана под руководством Шамиля продолжался. Авантюрист в политике Берия, за подписью которого выходили брошюры, им не писанные, на сей раз не решился взяться за историю мюридизма – понимал, что Шамиль не Сталин с его тёмным прошлым. Шамиля осыпали доброй славой историки Российской империи, стран Востока и Запада задолго до появления на мировой арене Советского Союза. И потому Лаврентий Берия, дорвавшийся до власти, приказал архивному управлению МВД Грузии написать научную книгу «Шамиль – ставленник султанской Турции и английских колонизаторов». Книгу сочинили, она вышла в 1953 году.

Каждый раз, беря в руки этот объёмный том, в котором без всяких интерпретаций были представлены все имеющиеся в архиве наместника Кавказа документы – донесения, рапорты, письма, газетные публикации, – захотелось с чувством благодарности склонить голову перед сотрудниками архива. Из огромного числа копий документов не было ни одного, соответствующего столь громкому названию столь солидной книги! Напротив, большинство документов говорили об обратном. Сам же невежественный инициатор фальсификации вопроса, к счастью составителей, не решившихся пойти на сделку с совестью, по-видимому, даже не соизволил хотя бы бегло пройти по названиям глав.

В период полувековой Кавказской войны Турция никакой роли на политической арене не играла. Первая половина XIX столетия была наитяжелейшим периодом крушения её былого могущества. Раздираемая внутренними противоречиями, потрясаемая восстаниями зависимых народов, терзаемая дипломатическими махинациями великих держав, она была на краю гибели. А к великим державам той эпохи в первую очередь относились Россия и владычица морей Англия. И не Турция, а Россия с Англией и Францией усиленно занимались так называемым восточным вопросом.

Судя по утверждению Карла Маркса, Россия и Англия смотрели на Турцию как на «мёртвую», строя планы раздела её владений между собой. Но ведь Берия не был историком, чтобы знать всё это. А те, ему подпевал, делали так, как он хотел. Захотел Берия, чтобы 15-летнее освободительное движение алжирцев под руководством эмира Абд эль-Кадыра против французских колонизаторов (в тот самый период, когда действовал Шамиль) считалось народно-освободительным, – так и рассматривалось, хотя оно тоже не было лишено религиозной оболочки.

А ведь присоединение Алжира к цивилизованной Франции тоже имело положительные стороны в смысле приобщения к европейской культуре, прогрессу. Но алжирцам, как и дагестанцам, хотелось свободы. Они умели довольствоваться плодами своей сохранившейся традиционной культуры и на экономические выгоды, с осознанием преимущества развитых стран, могли пойти со временем только на мирных, добровольных началах.

Освободительные движения в тот исторический период были явлением закономерным, следовательно, и движение народов Чечни и Дагестана за свою свободу и независимость нельзя рассматривать как исключение. Но в отличие от других стран оно затянулось на многие годы. И, что примечательно, стойко держались в почти полувековой борьбе малочисленной армии горцев против могучих сил России, перед которыми трепетали армии стран Европы.

И это, наверное, потому, что священной, освободительной борьбе народов Чечни и Дагестана сочувствовали сами русские – передовые мыслители противоборствующей стороны. При всех трёх имамах – Кази-Мулле, Гамзат-беке и Шамиле – на сторону мятежных горцев перебежали не единицами, а целыми ротами, особенно из польских частей, сосланных на Кавказ после восстания 1831 года в Варшаве.

Достаточно сказать, что в свите имама Гамзата и среди его приближённых было много польских офицеров. В числе телохранителей Гамзата, сопровождавших его в Хунзахскую мечеть, было более десяти поляков (см. повесть Л. Толстого «Хаджи-Мурат»). В имамате Шамиля были целые слободы и поселения русских солдат. Офицеры, мастера-оружейники,

артиллеристы использовались Шамилём как специалисты в мирные дни и как союзники в военное время. Большинство из них принимали ислам и на равных правах со всеми жили в Дагестане.

Пригодных для возделывания земель не хватало, и многие жители, освоив ремесло медников, лудильщиков, уходили на заработки в другие края. Обучились и мой отец с младшим братом мастерству лудильщика и осенью 1912 года отправились на Кубань к дальнему родственнику Хабибулле.

Хабибулла – муж старшей сестры отца – за несколько лет до того приобрёл на Кубани старый хуторок с землёй и развернул такую деятельность, что стал настоящим крестьянином. Одарённый от природы ясным умом, горец вывел новые урожайные сорта кубанской пшеницы, развёл крупный рогатый скот. Со временем ему дополнительно понадобилась рабочая сила.

Экономкой у него была одинокая дородная казачка, с которой он жил как с женой. Поскольку многожёнство у мусульман узаконено Кораном, на этот факт братья законной жены не обращали внимания.

Вторым подручным у Хабибуллы был расторопный, смекалистый русский паренёк-сирота. Пришёл он к нему с другом-односельчанином наниматься на работу. Обоим Хабибулла предложил дать курам корм. Первый схватил мерку, полную зерна, и высыпал содержимое на землю. Второй спросил у хозяина, сколько у него кур. «Сто», – ответил хозяин.

Взял мерку и всыпал в кормушки сто жменей. Хабибулла, наблюдавший за работой хлопцев, первому в работе отказал, заявив, что хозяин из него не получится, а второго – сироту – оставил и сделал скотником.

Ко времени уборочной страды Хабибулла ездил нанимать людей в Ейск – туда в поисках работы сходились и съезжались из деревень Центральной России простые люди. Босоногие наёмные сезонные рабочие ждали хозяев на базарной площади (бирже труда) и, чтобы не торговаться с нанимателями, на дощечке мелом обозначали цифру подённой стоимости своего труда. Разумеется, те, кто помоложе и физически здоровее, заламывали суммы побольше, а слабые и старики соглашались и на небольшую оплату.

Хабибулла, как, впрочем, и всякий рачительный хозяин, понимал, что дело ещё не в одной физической силе, что иной худой да жилистый может обойти в работе здорового, но неповоротливого. Поэтому, прежде чем нанять рабочих, он приглашал их в харчевню, щедро угощал, а сам следил, кто как ест, отбирая тех, кто ел быстрее.

Однажды после окончания уборочных работ один из сезонных рабочих спросил у хозяина, почему тот своему подручному рабочему установил плату вдвое больше, чем ему, сезонному.

– А погляди на дорогу, едет обоз, пойдй узнай, что за люди, – подумав, ответил Хабибулла.

– Купчишки из Одессы, едут в Екатеринодар, – сказал, вернувшись, парень.

– Что везут? – спросил хозяин.

– Не знаю, – ответил рабочий.

– Пойди спроси.

Парень побежал и, узнав, ответил:

– Соль везут.

– Почём пуд? – спросил хозяин.

– Не знаю, – ответил работник.

– Так пойдй узнай.

Рабочий побежал и, возвратившись, сообщил:

– Руль за пуд просят.

Тогда Хабибулла кликнул подручного, которому платил вдвое больше за рабочий день, и сказал ему:

– Вон обоз, догони, узнай, что за люди.

Подручный сбегал и, быстро вернувшись, доложил:

– Купцы из Одессы, везут в Екатеринодар соль для продажи, за пуд положили рубль.

И Хабибулла, обратившись к недовольному оплатой сезонному рабочему сказал:

– Теперь ты понял, почему я плачу подручному вдвое больше?

Через несколько дней после приезда Хабибулла повёз обоих парней в станицу Челбаскую. Там он снял, заплатив за полгода вперёд, помещение, в котором они должны были открыть свою мастерскую и там же жить. Велев оставить инструменты, Хабибулла повёз земляков обратно к себе на хутор. Зная, что оба неплохие косари, попросил помочь заготовить сена скоту на зиму.

Когда заканчивались работы в поле, в городах устраивались шумные ярмарки – с танцами под духовые оркестры, с различными аттракционами. Когда духовой оркестр заиграл лезгинку, приехавшие на ярмарку горцы не удержались, вихрем ворвались в круг и под восторженные возгласы и хлопанье в ладоши молодых казаков и казачек закружились в искромётном танце, зажигая весёлым азартом взоры глядящих на них девчат.

– Вот за того, черноусого я бы пошла замуж, – сказала одна русоволосая казачка, прижимаясь к стайке теснившихся впереди подружек.

– Ой, Паша, да как можно, он же бусурман, – ойкнула вторая.

Истоки рода

Поздней осенью оба брата, Ибрагим и Мудун, вернувшись в Челбасскую, были возмущены, узнав, что хозяин, у которого Хабибулла снял для них часть дома под жильё и мастерскую, без всякого к тому повода выбросил на улицу чуть ли не все их пожитки.

Молодая казачка из соседнего дома, увидев действия сумасбродного старика, сурово насупила брови.

– Да как тебе не стыдно? Они уплатили вперёд за полгода, ничем тебя не стеснив, не обидев, а ты выбрасываешь их вещи. Ты – бесстыжий забулдыга, а не казак. А если вернуться, что будет?

Её мать, Елена Васильевна, приказала снести все пожитки горцев в сарай.

Когда дагестанцы вернулись, старший, Ибрагим, спокойно спросил старика:

– Может, тебе эта халупа для чего-нибудь другого понадобилась?

– Мой дом, чего хочу, то и делаю, – помолчав немного, ответил подвыпивший старик.

– Жить среди людей и делать чего хочу нельзя. Надо считаться с обычаями, утверждёнными правами и законами совести тех, среди кого живёшь. К твоему счастью, наш народ почтительно относится к старости. А то, что нами уплачено, прими как милостыню.

Пока парни выясняли отношения со старым казаком, дочь соседней Гаврей, удивлённо смотрела на черноусого плясуна, за которого, как она сказала, не задумываясь пошла бы замуж.

Её братья – Василий, Иван и Леонтий – пригласили горцев в дом, угостили чаем и в тот же день нашли Ибрагиму и Мудуну другое помещение для мастерской и жилья. Кавказцы сразу взялись за дело. К их мастерской потянулись казаки и казачки за всякими нуждами: кому запаять или полудить, кому починить медный казан, примус, ковшик или таз, вёдра, самовары.

Вечерами станичная молодёжь собиралась у дома Гаврей. Василий и Леонтий считались лучшими гармонистами в станице. Ибрагим и Мудун тоже присоединялись к станичной молодёжи. Василий вскоре специально выучил мотив лезгинки, чтобы станичные девчата и парни могли не только любоваться исполнением задорного кавказского танца, а и сами выходили в круг. Среди зрителей можно было увидеть и самого атамана Чубаря со старыми казаками. Трезвые, рассудительные, степенные горцы быстро заслужили уважение станичников.

А в сердце Паши разгоралась настоящая любовь. Вначале она старалась избегать Ибрагима и вроде не обращала на него внимания, как и он тянулся к ней, но вскоре всем стало ясно, что Ибрагим и Паша равнодушны друг к другу. Братья Гаври ничего не имели против горца, так же как и мать с отцом.

У Ибрагима и Мудуна, кроме Хабибуллы, на Кубани оказались ещё три родственника из родного села – Сабит, Али и Султан. Они владели в Ейске собственной мануфактурной лавкой. Сабит, старший хозяин, бывал часто в разъездах, а младшие – Али и Султан – торговали. Они-то и надоумили Ибрагима и Мудуна открыть в станице такую же лавку. Дело чистое, не то что возиться с закопчёнными котлами, примусами, кислотой да нашатырём, с неотмываемой сажей, въедавшейся в руки.

Так со временем сменили кавказцы ремесло лудильщиков на торговое дело. Открыли сначала мануфактурную лавчонку, потом магазин, который давал неплохую прибыль. В нём было всё для того, чтобы и казака с ног до головы одеть-обуть или украсить доброго коня попоной, кабардинским седлом, отделанным серебром, крепкой уздечкой и лёгкими стременами. Часть товаров – черкески, андийские бурки, конскую сбрую, сёдла – Ибрагим скупал по всему Кавказу вместе с кинжалами, шашками, пистолетами, а каракулевые и овчинные папахи, лёгкие ноговицы братья шили сами. Не только челбасцы, но и казаки других станиц приезжали к дагестанским купцам и, облачившись в одежду кавказских всадников, гордо восседая в мягких, удобных кабардинских сёдлах, довольные уезжали.

Богатству, нажитому трудом Ибрагима и Мудуна, народ не завидовал. Они не только под расчёт, но и в долг отпускали честным уважаемым казакам свои товары. За то и были уважаемы. И ещё за то, что не кичились своим состоянием, не возносились над теми, кто ничего не имел, не чурались немощных, старых казаков и по-прежнему спешили вечерами туда, где играла гармошка. Среди молодёжи была и Прасковья Гавря.

Как боролся Ибрагим с воспламеняющейся с каждым днём любовью к Паше! Он свято верил в Аллаха, пятикратно в день молился. Боролся со своими чувствами потому, что там, в горах, в родном ауле Хуты, была у него наречённая, которую выбрал для него отец. Как пойти против воли отца? Знал, вся родня будет недовольна, хотя открыто и не выразит свой протест.

Но без любимой мир тесен, несмотря на его просторы. Конечно же, он только на Прасковью женится. А вдруг не выдадут её родители за горца? Вдруг она сама не захочет отречься от христианской веры? Но семья Гаври дала согласие сватам Ибрагима – почтенным казакам станицы, с которыми явился сам атаман Чубарь. Согласилась выйти за Ибрагима и Прасковья. За неё были рады и братья Василий, Иван и Леонтий. Никто из станичников не осуждал Гаврей, лишь один поп, невзлюбивший гордую, дерзкую Гавричиху, Елену Васильевну, сказал кому-то из церковных служак:

– Не благословлю, не дам отпущения девке, отрекающейся от Христа.

Услышав об этом, Ибрагим в воскресный день, после окончания богослужения в церкви, когда разошлись прихожане, переступил порог святыни. Увидев его, поп сначала широко раскрыл глаза, потом, сощурившись, гневно воскликнул:

– Как смел, нехристь, осквернить святую обитель?

– Выйду, – ответил Ибрагим, – но скажу тебе, святой отец, плохой ты пастырь. Истинный служитель веры Христовой старается умножить паству, обратив иноверцев в христиан. Быть может, я и пришёл к тебе с этой целью, а ты гонишь. Значит, будет по-моему.

Поп был упрям. Отказал он отцу, матери и самой Прасковье. Тогда отправился к попу атаман Чубарь и негромко, но внушительно предупредил:

– Отпусти Гавреву Прасковью Христа ради, не связывайся с горячим кавказцем.

Возымили действие на попа слова атамана. Скрепя сердце отпустил он девицу Прасковью из «своего стада». Вышла она за Ибрагима. Мулла-татарин оформил их союз, и стала казачка Прасковья мусульманкой. Шумную свадьбу сыграли Гаври, в качестве приданого братья-краснодеревщики собственноручно изготовили мебель из лучших сортов дерева.

Богато, счастливо стала жить Паша. Сына родила, потом дочь. Но тут началась война с Германией. Проводили Гаври вместе со всеми станичными казаками Василия, Ивана и Леонтия на фронт. Загоревал Пётр Гавря, затосковал по сыновьям, от которых не было писем, и умер от разрыва сердца. Осталась Елена Васильевна с двумя младшими дочерьми – Елизаветой и Александрой. Старался зять Ибрагим заменить Елене сыновей, но кто может заменить матери сына? Извелась Елена вконец.

А тут грянула революция с её неразберихой. Вернулись в восемнадцатом с фронта сыновья Иван и Леонтий, из германского плена – старший сын Василий со своей верной спутницей-гармошкой, благодаря которой, быть может, и выжил, скитаясь на чужбине. И не только благодаря ей, но и своему трудолюбию и мастерству. Немец-помещик, у которого батрачил пленный русский солдат Василий, всячески уговаривал его остаться помощником на хозяйстве. Уж очень ценил немец работника, который мастерски владел пилой, стамеской, топором. Но не прижился казак в чужом крае, мучила тоска по родным местам, по близким ему людям. Отпустил помещик казака с Богом.

Не остался Василий и у зажиточных польских крестьян-стариков, которые просили его стать хозяином всего их состояния, усыновить хотели. Ни на какие блага не мог променять Василий свой дом, своих родственников. И явился, повидав мир, не озлобленным на войну и

в плену, а умудрённым житейским опытом. Ни простым немцам, ни полякам, как и русским, война не нужна, и нет народу дела до политики царей и королей.

Неспокойным было то время в России. Больной Хабибулла, в чём встал, в том и бежал со своего хутора, на который налетел какой-то революционный отряд, разорил и пустил «красного петуха». Едва отдышавшись от бега, с холма у перелеска наблюдал он, как охватили языки пламени его хату, загоны для скота, сеновал. Заплакал, когда услышал, как дико замычали коровы, заржали перепуганные кони, и снова бежал, охваченный ужасом, от того страшного места, в которое вложил столько труда и на которое возлагал столько надежд.

С душой, опалённой огнём, шатаясь, как пьяный, переступил он порог дома Ибрагима и свалился на пол – у него признали сыпной тиф. При всём старании ничем не смогли ему помочь ни местные знахари, ни старый военфельдшер, живший в станице. Схоронили Хабибуллу на небольшом придорожном холме, в стороне от русского кладбища.

Братьев Ибрагима и Мудуна потрясла смерть дяди Хабибуллы, удручал и вид его одинокой могилы. Стала изводить тоска по родному краю. Жизнь в станице становилась невыносимой – налетали то красные, то белые, то зелёные, беспокоил то Марусин отряд, то батько Махно. Ушёл с красными Леонтий и погиб в плавнях под Ейском.

Быть может, и тронулись бы к родным саклям Ибрагим с братом, женой и детьми, да не ко времени появилась на свет я. Наступали холода. Недобрые вести доходили из Дагестана. Не советовали земляки Ибрагиму трогаться с места, говоря, что революционным движением и Гражданской войной охвачен весь Дагестан и Кавказ в целом. Убеждали, что ехать опасно – под Грозным налетают и грабят озверевшие банды.

Решил Ибрагим перезимовать в станице, хотя и её от бесконечных перемен власти тоже охватила анархия. Поздней осенью 1919 года тёмным, страшным валом вкатились в станицу Челбасскую отряды Дикой дивизии. С казаков взятки гладки, разве только харч да корм коням. А вот вывеска «Азиатские товары» прямо-таки возбудила неуёмный аппетит «дикарей» также, как притягательный запах духана. Взломав дверь, как очумелые, давя друг друга, ворвались в магазин абреки, хватали всё, что попадалось на глаза. Какой-то есаул, поднявшись на прилавок, громко распорядился:

– Братцы, спокойно! Брать по надобности – по одной папахе, по одной черкеске. Бурку и башлык брать только тем, у кого нет ноговиц, и штанцы брать только тем, у кого прохудились. Взятые про запас отберу. Спокойнее, братцы, спокойнее! Кинжалы и шашки не трогать до распоряжения полкового командира.

Ополченцы Дикой дивизии тут же сбрасывали с себя завшивленную рвань и, облачившись во всё новенькое, спешили туда, где можно было ещё пожить.

Ибрагим, стоя недалеко, с грустью наблюдал, как грабили его добро, и старался успокоить себя, относя эти действия на счёт фатальной неизбежности. В этот недобрый час к нему подошёл высокий стройный офицер и, козырнув, спросил:

– Вы кавказец?

– Да, – ответил Ибрагим.

– Какой губернии, какого рода-племени?

– Дагестанской, лакец, из селения Хуты, Ибрагим, сын Бутты.

– Вах! А впрочем, я так и предполагал. Ассалам-алейкум, земляк! Какими судьбами заброшен в этот край? Не лудильщик, случайно?

– Был лудильщиком, а теперь хозяин этого магазина, – спокойно ответил Ибрагим.

– Тысяча извинений! Прости наш дикий сброд, ради Аллаха! Поверь, я не в силах остановить грабёж – убьют! Ничем не могу помочь тебе, кроме сочувствия. Сам видишь, что за люди... К тому же большинство из них пьяны – а это стихия!

– Тогда зачем ты, порядочный человек, приобщился к этому дикому стаду? – в сердцах бросил Ибрагим.

– Видишь ли, я царский офицер, служил в одном из кавалерийских полков, которым командовал генерал Руднев. В армии Деникина немало горцев. Всех их распределили по частям, которые должны были действовать в тех местах, откуда родом офицеры-кавказцы.

А когда начали формировать из горцев Дикую дивизию, многих из нас перевели в неё и поставили во главе подразделений. Деться некуда, время смутное. Красные нас, царских офицеров, расстреливают. Советская власть – не для нас. И что за власть, не понимаю, но уж очень смахивает на анархию. А анархию я не признаю, поскольку не сомневаюсь в преимуществе законности и порядка монархического строя.

С полным пониманием долга присягал я русскому царю и не отступлю даже теперь, когда трон опрокинут, – буду стараться, не щадя собственной жизни и жизни тех, кто подчинён мне, во имя возрождения монархии.

Так, беседуя, шли Ибрагим Давыдов и ротмистр Исмаил Махдиев по станичной улице. Как бы там ни было, но Ибрагим считал обязанным исполнить долг гостеприимства. Его жена Прасковья за несколько лет замужества научилась не только строчить ноговицы и шить папахи, но и искусству приготовления традиционного хинкала. Узнав о разграблении магазина, Прасковья не огорчилась, а только обрадовалась возвращению мужа живым, здоровым, да ещё с офицером-земляком.

Каждый раз, когда налетал на станицу какой-нибудь отряд, её душу охватывала тревога. Она умоляла мужа и братьев не выходить из дому, не попадаться на глаза тем, кто врывается в станицу с поднятым оружием. Ей, матери уже троих детей, не было дела до того, за что бились белые, красные, зелёные или махновцы. Прасковья хотела мира, сохранения жизни любимого, семьи, родных, близких и тех простых многострадальных людей, которые так же, как и она, имеют только одну жизнь. Не зная языка, на котором говорили муж и гость, но прислушиваясь к интонации, поглядывая на лица, догадывалась, что вели они беседу мирную, как и положено за столом. Вскоре офицер поднялся, подошёл к кроваткам, в которых спали дети, и, постояв возле новорождённой, сказал:

– Вот оно, начало жизни. Дай Бог, чтоб оно осталось чистым до конца! – и, направляясь к двери, добавил: – Я скоро вернусь.

Вернулся Исмаил с огромным свёртком. Осторожно поставил на стол, развернул. В нём оказались большие швейцарские настенные часы. Офицер попросил большой гвоздь, вбил его в стену, прикрепил часы, завёл механизм и сказал:

– Они идут с боем. Это подарок новорождённой. Пусть бой часов напоминает ей обо мне. Кто знает, когда и где уготовлен мне конец. Если победят красные и я останусь жив, не видать мне родного края.

Исмаил распрощался и ушёл. Это был старший из пяти сыновей лакца Ибрая, который с семьёй задолго до революции поселился в Таганроге и занимался ремеслом лудильщика. Родом из Кумуха. Кроме сыновей у Ибрая было четыре дочери. Перед германской войной Ибрай умер. Жена его осталась с детьми в Таганроге. Ещё при жизни мужа, помогая ему, научилась лудить, паять и этим кормила большую семью. Отец мой и другие земляки ездили навещать многодетную вдову-землячку, помогали ей материально и всё время поддерживали с нею связь. Позже, после установления советской власти, вдова с детьми переехала в Дагестан.

Отец мой Ибрагим вернулся в родные края весной 1920 года. Поселился в Темир-Хан-Шуре, где вместе с братом открыл портняжную мастерскую по пошиву мужской верхней одежды. Здесь же купил у дочери генерала, в молодости бежавшей с денщиком отца из Петербурга на Кавказ, большой дом – бывшую старую офицерскую гостиницу. Пропойца-денщик деньги, полученные за дом, промотал и вскоре скончался. А генеральская дочь доживала свой век в той же Шуре, торгуя семечками.

Часы, подаренные ротмистром Исмаилом, шли, оповещая каждые полчаса о безвозвратно уходящем времени, напоминая о том, кто и при каких обстоятельствах их подарил, но умалчивая о тех, кому они принадлежали до того.

О судьбе преданного царскому престолу офицера-лакца никто из его родственников ничего не знал. А жили они, как и мы, в Темир-Хан-Шуре и уже давно считали Исмаила погибшим. Его мать доживала свой век с сыном и дочерью, старой девой. Другие дети жили семьями отдельно и неплохо. И вот любопытный случай.

Было это вскоре после того, как наша армия в январе сорок третьего перешла в контрнаступление. Работавший тогда секретарём горкома партии одного из небольших городов Северного Кавказа Омар, брат Исмаила (конечно же, скрывший факт офицерской службы в Деникинской армии), будучи в командировке, обедал в минераловодском железнодорожном ресторане. На свободное место сел человек в возрасте, в гражданской одежде и буквально впился глазами в сидящего напротив Омара. На какое-то мгновение их взгляды встретились. Омар, не выдержав взгляда незнакомца, опустил глаза и стал быстро есть. Ложка в его дрожащей руке предательски стучала по тарелке.

Бросив ложку, он взял газету, лежащую на столе, развернул, прикрывая лицо, и, откинувшись на спинку стула, стал читать. Человек, сидящий напротив, протянул руку, отогнул край газеты и, продолжая сверлить его пронзительным взглядом, тихо произнёс:

– Омар, твои черты за четверть века нисколько не изменились. Я сразу узнал тебя. Я же твой брат Исмаил. Ты ведь тоже узнал меня, так почему же дрожишь, прятать глаза?

Омар резко поднялся и дерзко процедил сквозь зубы:

– Гражданин, я вас не знаю и знать не хочу!

– Партийный подлец! – так же тихо бросил Исмаил ему вслед.

Видно, томила Исмаила все эти годы тоска по родине, родным, близким. Раздосадованный случайной встречей с братом, он решил поехать в Темир-Хан-Шуру к сёстрам. Скорее всего, он знал о переезде семьи туда. Без труда отыскал в маленьком городке старшую из сестёр. Явился под покровом ночи, представился и заметил испуг в её глазах. Опечалился, но не осудил в душе. Ему было известно о сталинских репрессиях. Понимая, что несдобровать и брату – секретарю горкома, и остальным родственникам, если его схватят и припишут разведывательные цели приезда на родину, поспешил успокоить сестру, сказав сразу, что сегодня же покинет город. От сестры узнал, что мать скончалась перед войной, а остальных судьба разбросала по миру.

О себе Исмаил говорил скупно – с 1920 года и до начала Второй мировой войны жил в Варшаве, женат на дочери состоятельного польского пана, имеет двух дочерей и собирается вместе с формирующимся в России Войском польским идти на Варшаву. Он ушёл в ту же ночь навсегда, наверное, с горьким комом на душе, разочарованный и в жизни, и в людях, в которых страх убивает не только совесть, но и родственные чувства.

Зная теперь всю эту историю, я почему-то с сожалением думаю о тех часах, которые остались в нашем старом доме, в семье моего младшего брата.

Трудные времена

Ещё в годы Кавказской войны, когда Махачкала была всего лишь морским портом, Темир-Хан-Шура имела славу цветущего губернского города. Расположенный в котловине, город стоял на древнем караванном пути, ведущем в горы Даргинского, Аварского и Лакского округов, на месте бывшего военного урочища и крепостной слободы.

Уютный, чистый, утопающий в зелени, с военным и гражданским населением, город-крепость был окружён южными, западными и северными казармами, в которых постоянно дислоцировались кавалерийские и пехотные части. Там, где теперь расположен консервный завод, когда-то дремало в тени акаций озеро, на берегу которого были небольшая ресторация, шашлычные, чайхана. Офицеры и городская знать собирались здесь для увеселений, катались на лодках, вечерами прогуливались по берегу.

На северо-западной стороне города, у подножия нависшей над долиной примечательной плосковерхой скалы высился великолепный дом губернатора с белыми колоннами парадного подъезда. Рядом располагались здания казарм. От дома губернатора вниз, через центр города до южных казарм, пролегла главная улица – Аргутинская. В середине её высился величественный собор, звонкие колокола которого каждое воскресенье призывали христиан на молебен.

Выше, по пути к южным казармам, рядом с башнями старой крепости, среди городского бульвара, стояла армянская церковь.

Мусульманская мечеть со стрельчатым минаретом находилась на восточной окраине Шуры, рядом с базаром, в конце улицы Еврейской, где находился дом моего отца. В центре базара стояло огромное одноэтажное здание пассажа с открытыми торговыми рядами, огороженными всего лишь натянутыми верёвками.

Местные купцы и торговцы с утра до вечера, разложив товары, попивали чай, приносимый разносчиками из ближайшей чайханы. Отлучаясь по делам, каждый хозяин-продавец натягивал верёвочку у входа, а торговцы справа и слева присматривали за товарами отлучившегося, хотя особой надобности в том не было, поскольку не воровали. Два первых вора появились уже при советской власти. Это были заезжие молодцы, промышлявшие среди нэпманов. Их быстро поймали с поличным торговцы пассажа и забили до полусмерти. Милиционерам с трудом удалось спасти воров от самосуда и в бессознательном состоянии доставить в городскую больницу.

Во всём городе было только два алкоголика. Один, по фамилии Писарчук, приличный человек, хороший семьянин, маляр-штукатур. Напившись, он ругал советскую власть на чём свет стоит. Люди говорили, что запил он с горя, когда красные расстреляли его младшего брата, белого офицера. Жители города не осуждали его.

А вот второго – кумыка Карахана – горожане презирали. Помню, как однажды, идя в мастерскую к дяде, я увидела огромную толпу посреди улицы. Конечно, я тут же втиснулась в передний ряд и оцепенела от ужаса. На земле лежал Карахан – небольшого росточка, смуглый, большеголовый, с короткой шеей. Верхом на его спине восседал здоровенный детина и, поднимая за уши голову несчастного, бил о мостовую. Лицо Карахана превратилось в сплошное кровавое месиво. А люди, падкие до таких зрелищ, с любопытством взирали на это злодеяние. Дрожа всем телом, я взмолилась:

– Дяденька, заступись, убери этого злого человека.

Дяденька посмотрел на меня сверху вниз с ухмылкой и, указывая на Карахана, сказал:

– Таких не только бить, убивать надо. Это не мусульманин и не человек. Он хуже свиньи.

Он позорит свой род.

С трудом выбралась я из толпы зевак и помчалась домой. Весь день не могла успокоиться. А утром мама сказала, что ночью я бредила, вскрикивала во сне.

Так вот, наш туринский дом представлял собой здание гостиничного типа, состоящее из девяти комнат, половина из которых имела выход в длинный коридор. В доме была бильярдная. Во дворе стоял отдельный флигель для прислуги и небольшое отдельное помещение, рядом с шестью сараями, для конюха. В одном из углов двора находились туалеты. Недалеко от них – кухонное помещение с русской печкой. Рядом с жильём конюха (он же был дворником), возле колодца с горько-солёной водой, употребляемой для хозяйских нужд, была устроена большая цементированная ванна. Посреди двора высилась красивая резная беседка со скамьями вдоль стен и большим столом в центре, за которым могли разместиться человек двадцать. Беседка утопала в зелени, как и двор, весь засаженный фруктовыми деревьями.

Семья наша занимала три комнаты, в том числе и бывшую бильярдную с прихожей и парадным входом. Это были комнаты, окна которых выходили на улицу. Остальные помещения сдавались квартирующим.

Недолго пришлось пожить отцу в этом доме. В 1925 году, когда моему брату Джабраилу едва исполнился год, он умер от крупозного воспаления лёгких – простудился во время охоты, попав в болото. Умирая в сознании, просил маму не обижать детей и похоронить его в родном ауле.

Повезли покойного на подводе до Кумуха, куда вела шоссейная дорога, – дальше могли пройти только кони. Родственникам не сообщили о его смерти. Отец и мать отца умерли двумя годами раньше. Оставались три сестры и множество родичей. С дороги был отправлен вперёд дядя Габи. Он сообщил родственникам, что едет Ибрагим, необходимо послать коня в Кумух. У отца в ауле был прекрасный скакун – помесь кабардинского с арабской породой, купленный то ли у самого коннозаводчика Тохтамыш-Гирея, то ли у его сына, занимавшегося разведением лучшей породы лошадей где-то в степи около Минеральных Вод. Коня пригнали с пастбища, надели уздечку, украшенную серебром, седло с серебряными стремянами и отправили навстречу хозяину.

В Кумухе мёртвого отца усадили в седло, закрепили верёвками, чтобы не свалился, и в окружении мужчин-родственников повезли в Хуты. Только когда процессия верховых подъезжала к аулу, дядя Габи ускакал вперёд и предупредил родню, чтобы оделись в траур и выходили встречать. С криками, раздирающими душу, словно обезумевшие, бежали женщины к дороге. За ними все жители селения. Габи рассказывал: творилось что-то ужасное.

Отец, добряк по натуре, человек щедрый, здоровый и красивый, в тридцать пять лет ушёл из жизни. Конь под ним, то ли чувствуя мёртвого человека, то ли возбуждённый женскими криками и шумом, беспокойно ржал, останавливался, бил копытами. Одна из дальних родственниц, жившая у въезда в аул, растолкав людей, подошла к коню и ударила его яйцом в лоб. Конь вздыбился. Всадники зажали его своими конями, кто-то соскочил на землю, схватил за уздцы. Оказывается, у суеврных горцев существовал обычай – разбивать яйцо о лоб коня, везущего мёртвого хозяина.

– Иначе конь сдохнет, – говорили они.

После смерти отца кто-то из родственников хотел отобрать у матери детей и, наверное, дом. Но местные власти заступились за вдову. Однако под предлогом того, что маме будет трудно с тремя детьми, родственники настаивали отдать кого-нибудь из троих тогда ещё бездетному Мудуну, жена которого жила в ауле. Мать решила отдать меня. Дочь в те времена – и на Кубани, и в Дагестане – считали отрезанным ломтем. А за каждого рождённого в семье казака-сына государство дополнительно выделяло земельный участок. В горах даже поговорка бытовала: «Дочь может стать добром врага».

Так я оказалась в далёком ауле Хуты. Мне было лет шесть. Живя в Шуре среди горских евреев и кумыков, я свободно владела языком татов, кумыков, русских. Мама говорила только на русском языке. Живя в ауле, я забыла те языки, зато в совершенстве овладела лакским.

Тяжёлые были те времена в горах. Никто не надеялся на помощь государства, на то, что им поднесут готовый испечённый хлеб, обеспечат светом, теплом, одеждой. Жили кто как мог, трудясь от зари до зари, довольствуясь тем, что есть. Топливо заготавливали сами из навоза, смешанного с соломой и половой. Лесов ведь в горах лакцев нет, а значит, нет и дров. На клочках возделываемой земли сеяли пшеницу, ячмень. Сажали картофель, морковь и выращивали в горах горох и чечевицу. Печь разжигали соломой или половой раз в сутки, обычно вечером, по возвращении с полевых работ. Один-два раза в неделю выпекали тонкие пресные лепёшки. Повседневной пищей было толокно (мука из зёрен овса), её разводили сырой водой, в особых случаях добавляли к толокну сливочное масло и брынзу – это уже считалось деликатесом.

Грудных детей женщины уносили с собой в поле. Малышей оставляли с немощными стариками, а иногда наоборот – прикованных к постели стариков оставляли на попечение малышей. Остальных, всех, кто способен крепко стоять на ногах, заставляли работать. И никакого ропота, недовольства на босоногую, полуголодную жизнь. Мы, детвора, с начала весны, можно сказать, предоставлены были сами себе, и ни о каком нормальном питании не могло быть и речи.

С наступлением тепла, когда начинали пахать землю под посевы, дети, словно грачи, следовали за плугом, выбирая из разрыхленных комков земли корнеплоды округлой формы, лилово-серые снаружи и белые внутри, сладкие и необыкновенно приятные на вкус. Я могла грызть их целыми днями и ничего подобного в равнинных краях не встречала. Местные жители называли эти земляные плоды, которых никто не сеял, «лакской картошкой». Величиной они были от горошины до грецкого ореха, с выпуклостями, уплощёнными у корня. Ели их сырыми.

Особенно голодно было весной. Не хватало муки, и тогда приходилось переходить на галушки из смолотого грубо гороха с плотной чёрной кожурой, сдобренные жареным курдюком. Свежего мяса за редким исключением, с осени до весны, до пригона овец с зимних пастбищ, на столе не было.

Людей ожиревших или даже просто упитанных у нас в горах можно было встретить редко. Зато завшивлены были все. Сесть на солнышке, снять с себя исподнюю одежду, сменяемую раз в несколько месяцев, и начинать давить паразитов – это считалось обыденным занятием в свободные минуты.

Так расправлялись с платяными вшами, а тех, что на голове, вычёсывали густым гребешком. Мужчины этими «пикантными» делами не занимались, потому что начиная от колыбели до глубоких седин были бритоголовы, бород не носили, разве только пышные ухоженные усы. Вши у них тоже водились, но что такое укус мелкого насекомого для гордого узденя!

Что удивляло – это не виданная нигде больше всеобщая доброта, готовность в любую минуту прийти на помощь друг другу. Отсутствие зависти, злословия, безропотная покорность судьбе, вера в её фатальную неизбежность. Ссорились и дрались дети-несмышлёныши, подстрекателями которых нередко были подростки. Взрослые, как правило, не вмешивались в их дела, скандалов между семьями из-за детских драк не было, а потому и битые, и победители помалкивали.

Как дерзкая забияка прославилась и я в то время на весь аул, и не потому, что была зла от природы, а из-за того, что детвора, в особенности мальчишки, называли меня «». Это было прозвищем женщин-христианок и словом нарицательным по отношению к провинившимся в чём-то мусульманкам. Моим, с одной стороны, попечителем, с другой – подопечным был старейший в ауле дед Исмаил-Хаджи.

Ослепший к своим ста двадцати годам гигант сохранил здравое мышление, дарованное, как и физическая сила, самой природой. До конца дней он пользовался уважением односельчан. К нему шли за советом, он выступал арбитром в спорах сельчан. Приходили к нему засвидетельствовать своё почтение и приезжавшие на побывку отходники-ремесленники, при-

носили гостинцы, чаще туалетное мыло, которое в горах считалось дефицитом. Старика не обходили и свадебным угощением, и поминальным куском мяса.

Всем тем, что приносили Исмаилу-Хаджи, пользовалась и я, особенно фруктами, сладостями, столь редкими в нашем ауле. А моим подопечным он стал потому, что не было среди нашей родни сидящих дома старух или подростков. Поэтому мне, тогда ещё маленькой девочке, вменялось в обязанность отводить слепого в полдень в туалет; подносить ему медный кувшинчик с водой и таз для омовения перед молитвой, а после этого приносить из погреба кислое молоко, кусок сыра и разводить водой толлокно, поскольку грызть испечённые впрок, твёрдые как камень лепёшки старик не мог.

И сама я, конечно, умыв лицо, руки до локтей и ноги до колен, становилась рядом с белым как лунь и оттого казавшимся таким чистым гигантом и молилась также, как и он, обратившись лицом к востоку, то поднимаясь во весь рост, то снова опускаясь на колени, отбивая земные поклоны. Он обучил меня всем молитвам на языке арабов, смысл слов которых я не понимала, но в святость содержания которых верила так же, как все мусульмане.

Старик был моим верным защитником и от чрезмерной любви ко мне даже не всегда справедливым. Он был очень ласков со мной. Я и теперь с удовольствием вспоминаю, как его щетинистая борода и усы с какой-то необыкновенной нежностью касались моих детских щёк. И я, пожалуй, больше всех родственников любила его. Это он учил меня никогда никого не обзывать скверным словом без причины. Ни на кого первой не поднимать руку. Но если тебя ударят, говорил он, пускай в ход кулаки, когти, зубы, защищайся, как мужчина.

– А если он старше и сильнее меня? – спрашивала я.

– Бери в руки камень, палку, всё, что попадётся, и пускай в обидчика, иначе будешь битой бесчестными.

– А если убью?

– Не убьёшь. Человек живуч, да и в тебе не те силы.

И я дралась, дралась отчаянно, пуская в ход кулаки, ногти, зубы не только с равными, но и с теми, кто старше, и чаще – с мальчишками. Малышей не разрешалось трогать. Набив как следует обозвавшего меня «матушкой» озорника, исцарапав ему лицо, я стрелой исчезала и, юркнув под широкую долгополую овчинную шубу деда, как в надёжное убежище, затихала, прислушиваясь к доносящимся с улицы крикам и шуму.

– Что натворила? Кого ещё избил, скажи, дедушкино сокровище? – пригнувшись, спрашивал старик. И я, ещё тяжело дыша от быстрого бега, оправдывалась, клялась Аллахом, что не обозвала первой, не подняла руку первой и вообще никого не трогала. Это меня обозвали «матушкой». При этом, чтобы разжалобить доброго старика, начинала рыдать.

После драк дед не пускал меня на улицу, старался удержать возле себя, рассказывая сказки или заставляя читать Коран, который в то время я начала изучать. С наступлением сумерек являлись к Исмаилу-Хаджи матери пострадавших от моих побоев мальчишек и без злобы и обид просили воздействовать на меня.

Исмаил-Хаджи спокойным, внушительным тоном отвечал:

– Конечно, она сделала нехорошо, но только я знаю одно, что девочка не затеет первой ссору, не нанесёт первой удар. Вы тоже постарайтесь внушить своим детям, что нельзя без причин дразнить, наносить оскорбление, тем более сироте. Ведь у неё здесь нет ни отца, ни матери. И разве она виновата, что её мать русская, она ведь приняла мусульманство, и за это отношение к ней и её детям должно быть особенно почтительным. Она, как и мы, магометане, создана единым Творцом. Не берите греха на душу, не будьте равнодушны даже к малому злу со стороны ваших детей. Воспитывайте их милосердными, добрыми.

– Да, конечно, ты прав, отец, постараюсь это же внушить своему озорнику. Да будет над тобою мир и благословение Аллаха, – говорили, уходя, матери.

Вот почему я никогда ни от кого из взрослых не чувствовала неприязненного отношения к себе, не слышала недоброго слова, напротив, ощущала себя на каком-то особом положении перед сверстниками. Может быть, оно и породило во мне со временем чувство гордости, собственного достоинства, независимости, столь свойственное горцам.

Исмаил-Хаджи любил повторять, что в Хуты нет жителей, не связанных друг с другом кровным родством, что деды и наши праотцы если и не происходят от одного корня, то переплетены корнями родства. Сочувственно относился этот одарённый от природы светлым умом безграмотный мудрец к подросткам сельских бедняков. Сидя солнечным днём на завалинке в окружении любознательных ребятишек, любящих рассказы о былом, он частенько говорил:

– Настоящие мужчины выходят из рваного кобуха.

И выходили. Мир и смирение, взаимное уважение и доброта царили среди простых богобоязненных горцев в этом глухом селе. Безропотно снося все житейские невзгоды, они и умирать умели красиво, спокойно, веря, что переселяются в мир иной, более совершенный, так же как не сомневаясь в том, что спокойно пройдут по мосту, тонкому, как лезвие кинжала, переброшенному через ад, так как оставляют этот бранный мир безгрешными.

Ни о какой медицинской помощи больным и умирающим и говорить не приходилось. А перед её величеством Смертью бессильны были и знахари, и заклинатели.

Помню жившую по соседству девушку лет семнадцати. Она умерла за несколько дней до свадьбы от «боли в животе». Я тоже забежала в её саклю и видела, как она корчилась, хватаясь за правый бок, и тихо стонала, с лицом багровым от высокой температуры. Её поили настоем трав, раствором соли, но ничего не помогало.

Когда я начала изучать медицинскую науку и в частности хирургию, не раз с грустью вспоминала ту юную горянку, не сомневаясь в том, что умерла она от осложнённого аппендицита. Но такое случалось редко. Обычно большинство жителей села, проживших жизнь безвыездно, довольствуясь скудной пищей, трудясь от зари до зари, доживали до глубокой старости – ста и более лет. Мужчины семидесяти-восемидесяти лет продолжали жить активной трудовой жизнью, особенно чабаны. И в девяносто, и в сто лет они сохраняли ясное мышление. Видимо, в этом отношении определённую роль играла трезвость – Коран запрещал употреблять спиртное.

Почтенных мудрых аксакалов не только лакцы, но и другие дагестанские горцы называли «умом общества». Их больше всего боялись богатые ханы, некоторые из них в давние времена старались «обезглавить» сельское общество, убивали старейшин, открыто выражавших непокорность. Так, среди аварского народа сохранилось предание о том, как один из нуцалов – правителей Аварии – приказал своим приближённым уничтожить стариков («лишить ума» жителей) селения Мачада. Мужчин старше шестидесяти лет истребили. А вот мачадинцам удалось спрятать мудрейшего – Маллачилау.

Однажды после междоусобной войны и дележа захваченных земель и скота мачадинцев спросили, что они хотят взять – землю или скот. Мачадинцы обратились за советом к Маллачилау. Тот велел взять скот, сказав, что земля никуда не денется. Правитель не сомневался в том, что это совет мудрейшего, и решил ещё раз испытать мачадинцев на сообразительность, повелев им связать ему носки из неостриженной шерсти барана. Озадаченный староста снова отправился к Маллачилау. Мудрец посоветовал найти двух баранов с длинной шерстью, выщипать и гребнями вычесать с них шерсть и связать нуцалу носки.

Когда гнёт и произвол нуцала стали невыносимыми, избавиться от него мудрец посоветовал следующим способом – проникнуть под покровом ночи в столицу – Хунзах и подпилить в доме правителя брёвна, на которые опирается висящий над пропастью балкон.

Маллачилау знал, что нуцал имеет привычку каждое утро выходить на балкон и обводить взглядом свои владения. Так и сделал один из вызвавшихся на тот поступок храбрецов. В то утро деспот в последний раз увидел восход солнца. Деспотизмом и жестокостью отличались не

только аварские нуцалы, но и заносчивые ханы Казикумуха. Недобрую память о себе оставил в народе лакский Аглар-хан.

Когда наместник на Кавказе Ермолов притеснил мусульманское духовенство, запретив паломничество в Мекку и Медину, горцы заволновались и стали объединяться на борьбу с русскими войсками. Один из казикумухских ханов, потерпев поражение, вынужден был пойти на перемирие и в знак покорности отдать в аманаты русским своего сына Аглара. Живя и обучаясь в Петербурге, юноша не только приобщился к передовой культуре русского народа, но и вобрал в себя все пороки городской цивилизации, начиная с лицемерия, лжи, честолюбия, тщеславия, пьянства и разврата. Вместе с преданностью царскому престолу он в чине русского генерала принёс с собой в Дагестан убеждённую в преимуществе абсолютной власти и силе внушённого жестокими мерами страха.

Казикумухским ханством правил старший брат Аглара – Абдурахман-хан. Он так же, как и хунзахский нуцал, после отстранения Ермолова от должности главнокомандующего войсками на Кавказе вновь перешёл на сторону русского царя, гарантировавшего сохранность его имущества, прав, привилегий и действующих адатов.

В лице появившихся духовных предводителей горцев – трёх имамов, строго придерживающихся законов шариата, – местные владыки, привыкшие к безраздельному правлению по принципу «кого хочу – милую, кого хочу – казнию», усмотрели своих губителей и стали верной опорой самодержавию в его политике на Кавказе. Генерал Аглар считал себя более достойным места правителя Казикумухского ханства.

Старшего брата Абдурахман-хана, к которому не питал никаких родственных чувств, он считал дикарём, воспитанным на традициях «туземных» предков. В свою очередь Абдурахман-хан не разделял взгляды Аглара на жизнь, осуждал его склонность к пьянству и ночным оргиям с дворовой прислугой.

Когда Аглар получил приказ из Темир-Хан-Шуры от генерала Аргутинского о необходимости срочно выступить с лакским ополчением против имама Шамиля, вторгшегося со своим отрядом в Аварию, в пределы Чоха, Абдурахман-хан посоветовал брату не проявлять особого рвения против единоверных войск имама. Об этом Аглар немедленно донёс командованию. Абдурахман-хана схватили и под конвоем доставили в Тифлис, где осудили за измену и сослали в Сибирь. Правителем лакцев стал Аглар-хан. В военных действиях он почти не принимал участия, охраняя в основном неприкосновенность границ ханства. Сытая жизнь в безделье и пьянстве всё больше склоняла безнравственного правителя к разврату и жестокости в отношении тех, кто пытался добрым советом наставить его на путь истинный.

Аглар-хан приказывал выкалывать глаза тем, кто, на его взгляд, видит то, что не следует видеть; отрезать уши тем, кто слышит то, что не следует слышать; вырывать языки и зашивать рты тем, кто говорит то, о чем не следует говорить. Не ограничиваясь множеством жён, он продиктовал подвластным свою волю на право первой ночи с бракосочетающейся. И прославленные когда-то свободолюбием и гордостью казикумухские уздени смирились с произволом Аглара. Один лишь «выживший из ума» старец заметил проходящему мимо хану:

– Наша жизнь подобна льющейся реке, чистые воды которой могут помутнеть и выплеснуться под воздействием сил паводков, ворочающих валуны.

Но до мятежа дело не дошло. Аглару просто подсыпали яд в вино. Он был без сознания, но не умирал. Мулла, призванный читать «ясин» (заупокойную молитву), забеспокоился, что к хану вернётся сознание.

Те, кто хотел избавить народ от изверга, быстро обмотали его в саван и похоронили. Тайна этого тяжкого греха просочилась позднее в народ, который окутал её легендой о том, как служители культа, обязанные три дня и три ночи читать Коран над могилой хана, услышали собачий лай, доносившийся из-под земли.

Когда разрыли могилу, в ужасе отпрянули, увидев покойника, который «проглотил почти весь свой саван». Тогда, мол, было решено отсечь ему голову и положить у ног, ибо, если бы Аглар съел свой саван до конца, он бы воскрес и превратился в людоеда, который начал бы пожирать народ.

Легковерные соотечественники, верующие старики до сих пор не сомневаются в содеянном. Дорвавшийся до власти деспот Аглар был отравлен так же, как отравил он в своё время прославленного мужеством, справедливостью и добротой предводителя балкарского ополчения Довды. Почитаемый лакцами Довды – защитник соплеменников и помощник акушинцев – вёл себя гордо и независимо даже при общении с самим Агларом. Хоть и не из ханского рода происходил Довды, но в его лице Аглар увидел опасного соперника, за которым мог пойти народ, как пошёл за простым узденем – имамом Шамилем.

Коварный Аглар пригласил Довды в гости, встретил с почестями, усадил на пышные подушки, расстелил перед ним шёлковую скатерть, поставил на неё серебряный поднос с отварным ягнёнком и велел красавице Зазе поднести почётному гостю ковш с хмельной брагой, в который заранее подсыпал яду В пути, при возвращении в родной аул Балкар, гордый Довды, лучший наездник, стрелок, храбрец и предводитель балкарцев, скончался. Но сохранилась добрая слава о нём в печальной песне, сложенной народом.

Горянки

Теперь мне хочется остановиться на положении женщин в горах. Насколько мне помнится и насколько я понимаю, никакого униженного, угнетённого положения не было. Утверждённые в семьях патриархальные устои, по крайней мере у нас в горах, нисколько не принижали роль слабого пола. Просто горянки знали своё место в семье и почтительно относились к старикам. Более того, седая, почтенная женщина могла разрешить спор, погасить гнев, предотвратить схватку мужчин, сняв с головы платок и бросив его под ноги дерущихся противников. И, наконец, наши девушки могли без согласия приглянувшегося джигита-избранника прийти в его дом и заявить о своем желании стать женой избранного ею молодца, даже если у последнего была наречённая. В таких случаях красавицу могли вернуть в родительский дом, отказав ей в желании, если она была из рода, не пользовавшегося уважением среди сельчан. А если она была из почтенной, состоятельной семьи, её оставляли, но за тем, кого она полюбила и к кому пришла по собственной воле, сохранялось право взять в жёны другую – по любви или по расчёту.

Вспоминается судьба жены моего родного дяди Мудуна. Когда он после переезда в Темир-Хан-Шуру приехал в аул на побывку, то, молодой, приятной внешности, он сразу понравился Айше, дочери крупного владельца скота Абдул-Керима. У Мудуна уже была засватанная невеста. Но когда под покровом ночи Айша с узелком своих вещей в руках явилась в дом родителей Мудуна, её не отослали обратно. Тут же разнеслась по аулу весть – Айша по собственной воле сбежала из отцовского дома к избраннику. На этом, без всяких калымов и свадеб, дело и кончилось. Прожила Айша с Мудуном до конца его дней в любви и согласии.

Не чувствовала я и физической боли в те годы. Помню, во время драки с соседским мальчишкой, который с силой запустил в меня веретено, острое вонзилось в мой подбородок. Пошла кровь, в зеркале я увидела сантиметровой глубины отверстие, а боли не ощущала, тогда как сегодня от укола простой иглы содрогаюсь всем телом.

Босоное от весны до глубокой осени, завшивленное, без изысканного детского питания росло, не зная детских болезней, крепкое поколение. Конечно, решающую роль играли чистейший воздух, кристальная ключевая вода, натуральная свежая пища, почти полное отсутствие сахара, обилие употребляемых трав, корней и грудное вскармливание детей до двух-трёх лет, не говоря о том, что горянки – будущие матери – понятия не имели о хмельном и курении.

Удивительно, но в те времена среди родивших женщин не встречалось «безмолочных», вынужденных искусственно вскармливать детей. Теперь же, в городе, чуть ли не каждая третья жалуется на отсутствие молока и с первых месяцев начинает кормить младенцев всякими смесями. Мне, как врачу и бывшей акушерке, непонятно, почему в родильных домах новорождённых прикладывают к материнской груди на третий день, а не в день рождения. Ведь сама природа подготавливает молодую мать к вскармливанию, и так же природа наделяет сосательным рефлексом новорождённых. Так почему человек позволяет себе противостоять естественному? Ведь известно, что младенец, привыкая без труда насыщаться из бутылки с соской, в конце концов отказывается от груди.

Но дело даже не в методах вскармливания, а в том, что самые высококалорийные и витаминизированные смеси, приготовленные искусственно, а также козье и коровье молоко не могут заменить грудного материнского, обогащённого всем необходимым для жизни ребёнка, особенно ослабленного. И ещё: природа наделила человека и животных самым благородным, самым сильным чувством – инстинктом сохранения детёнышей, ради спасения которых они могут решиться на всё, вплоть до гибели.

Помню, у нас в Кисловодске была курочка карликовой породы Бибишка. Она вывела цыплят величиной с грецким орех. Как-то, греясь на солнышке со своим выводком, Бибишка

увидела на каменном заборе кота, который шёл, не обращая на её цыплят внимания. Тем не менее пернатая малютка вздыбила перья, распустила крылья и с угрожающим криком бросилась на кота в четыре раза больше её, внезапной атакой настолько перепугав его, что кот, сделав рывок в сторону, очутился в реке. Я всегда вспоминаю нашу маленькую героиню Бибишку, когда вижу брошенных младенцев в роддомах и приютах, с грустью думая, как могла природа обойти их матерей священным инстинктом материнства, свойственным даже простейшим существам. Я больше чем уверена, что человек, не познавший радости общения с детьми, когда они чисты, как ключевая вода, наивны и доверчивы, ожидая от нас пищи, ласки и защиты, не испытал в жизни настоящего счастья.

Когда мне исполнилось восемь лет, мать потребовала меня вернуть, чтобы отдать в школу. И как родственники отца ни противились, закон был на стороне матери. Говоря откровенно, я отвыкла от неё и никак не хотела переселяться в город. Но делать было нечего. Обливаясь слезами, повезла меня тётка в Кумух, усадила на линейку поручив попутчикам и вознице отвезти меня в целостности и сохранности к известному тогда в Темир-Хан-Шуре портному Мудуну Давыдову, мастерская которого была рядом с постоянным двором. В дороге, когда мы ехали вдоль берега Казикумухской Койсу, в Цудахарском ущелье, один из сидящих на линейке сзади парней, указав на огромный валун, вокруг которого пенились стремительные воды, сказал мне:

– У твоей матери такой крест, как этот валун.

– Ишак! Грязный тупица! – крикнула я в гневе и сделала рывок, чтобы кинуться в бурные воды большой горной реки. Но меня вовремя успел схватить правой рукой сидевший рядом мужчина, а левой он наотмашь ударил по лицу оскорбившего меня парня. Я тут же успокоилась и доверительно прижалась к плечу заступника.

Добрались мы до Шуры благополучно. Мать, увидев меня в длинных шароварах, длинном широком платье, в чохту (головной убор, в котором прячут косы горянки), сверх которой накидывают платок, поспешила всё это снять с меня, несмотря на моё отчаянное сопротивление и слёзы. Ни мама, ни два моих брата не знали лакского языка, а я не умела говорить по-русски – значит, найти с ними общий язык я не могла. Облачённая насильно в короткое новое платье, в куцые белые штанишки с кружевом и шёлковую косыночку, я забилась в угол, как зверёк, и долго рыдала. А потом, улучив момент, убежала к дяде в мастерскую, которая находилась недалеко от нашего дома, и заявила ему, что не хочу жить в городе, пусть пойдёт заберёт мою одежду и отправит меня сегодня же обратно в аул.

Несколько дней дядя уговаривал, убеждал меня, что не может этого сделать, иначе его арестуют, что я должна жить у родной матери, с родными братьями в отцовском доме и обязательно поступить учиться в школу.

– Я уже выучила Коран, умею читать и писать, а по-русски учиться не хочу.

Мама что-то говорила дяде и плакала. Мне стало жаль её, и я пошла домой, натягивая платье, присборенное в талии резинкой.

Всё меня раздражало в первое время, особенно постель, покрытая белоснежной выглаженной простыней, на которой я чувствовала себя особенно неловко после тёмных шерстяных матрасов и овчинных шуб. Ту неловкость, которую испытывала я при соприкосновении с очень белым, вспомнила недавно, когда один из моих земляков – мастер по ремонту телевизоров – рассказал о том, как его пригласил соотечественник из интеллигентной семьи починить неисправный телевизор. Русская жена того земляка – врач по профессии – приготовила обед, накрыла стол белой скатертью, расставила тарелки разной величины, фразе на подставках, положила белые бумажные салфетки и всё прочее. Мастерской, увидев всё это на столе, отказался от обеда, несмотря на то что был очень голоден. Отказался, чтобы не ударить лицом в грязь, не зная, как вести себя за таким столом, а вернее, чтобы случайно не закапать белоснежную скатерть вином, супом или подливкой.

Моя боязнь испачкать белые простыни, наволочку, пододеяльник быстро исчезла. Со временем я даже стала испытывать удовольствие, вдыхая запах свежего белья, ощущая упругую мягкость пуховой подушки, перины.

Говорить по-русски я научилась быстро. Но отдали меня сначала в тюркскую школу, где я успешно окончила первый класс. Успех объяснялся просто – тюркский алфавит схож с арабским, которому меня хорошо обучили в ауле. Некоторое отличие состоит в том, что в тюркском алфавите каждая буква, как и в русском, обозначается отдельно, а в арабском допускаются сокращения за счёт обозначения некоторых букв чёрточками и точками с выносом их под или над отдельные, сочетающиеся с ними буквы, что позволяет значительно сокращать письменный и начертательный материалы.

Читать и писать по-русски я научилась самостоятельно, спрашивая у старшего брата названия букв и складывая их в слова. Наличие в доме красочно оформленных детских книг с изображением диких зверей, птиц и сказочных героев усиливало это желание. Первые слова, которые я прочла под картинкой, изображающей зверей, были «лев и львица».

К сентябрю следующего года я сама пошла и записалась в русскую школу. Когда у меня спросили фамилию, я не знала, что ответить.

– Как зовут твоего отца? – спросила девушка, составляющая списки поступающих.

– Ибрагим, – ответила я.

Она записала: Ибрагимова Мариам, класс «А». Так было положено начало новой фамилии в роду отца.

В те времена для записи в школу никаких справок не требовали. Каждый, кто хотел учиться, шёл и записывался, некоторых ребят записывали родители. Моя подружка, кумычка, жившая по соседству, пришла в школу с отцом. Домой мы пошли вместе. Её отец, когда мы проходили мимо кондитерского магазина, купил нам по пирожному. До этого я никогда не ела пирожных и, конечно же, испытала неслыханное удовольствие.

Русская школа, в которую я поступила, помещалась в большом двухэтажном здании бывшей гимназии в центре города. Многие учителя, особенно преклонного возраста, ранее преподавали в гимназии – люди больших знаний, высокой культуры и какой-то необыкновенной притягательной доброты. Я до сих пор с неизменным чувством искренней любви вспоминаю свою первую учительницу Антонину Антоновну. Это была настоящая русская интеллигентка, мягкая, тёплая и в то же время спокойная, выдержанная женщина с притягательным, пронзительным взглядом. Ко всем детям, особенно бедно одетым, она относилась с исключительным вниманием.

Помню, как Антонина Антоновна, заручившись ходатайством дирекции школы, добивалась через горно каких-то талонов на бесплатное получение зимней одежды и обуви для нуждающихся учеников. Сильных учеников она сажала со слабыми, отличников – за последние парты, отстающих – за первые и уделяла им больше внимания, чем остальным. Не помню, чтобы она сказала кому-нибудь, даже тем, кто озорничал, грубое слово. Бывало достаточно её укоризненного материнского взгляда, чтобы остепенить шалуна. Договорившись заранее, чтобы мы предупредили родителей, она после уроков водила нас в парк, за город и увлекательно рассказывала всякие были и небылицы. Её любили, к ней льнули все ученики.

В школу я не шла, а бежала с удовольствием. Гладко причёсанная, без всякой косметики, в неизменных чёрной длинной юбке и белой кофточке с глухим воротником и длинными рукавами, она одной только внятной речью поглощала всё наше внимание. Во время перемен и при встречах я внимательно разглядывала других школьных учителей, и мне казалось, что лучше нашей Антонины Антоновны нет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.